

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТЕЗИСЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ,
посвященной 200-летию со дня рождения
академика Якова Карловича Грота

Санкт-Петербург
2012

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: грант №12-04-14133г «Международная научная конференции, посвященная 200-летию со дня рождения Якова Карловича Грота».

Отв. редакторы
к.ф.н. С.А. Эзериня, к.ф.н. И.Б. Дягилева.

Технический редактор
Р.И. Воронцов.

Тезисы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Якова Карловича Грота / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 66 с.

© Институт лингвистических исследований РАН, 2012.
© Издательство «Нестор-История»

Международная научная конференция посвящена 200-летию со дня рождения академика Я.К. Грота, выдающегося русского ученого XIX в., внесшего большой вклад в развитие отечественной филологии. Одним из направлений деятельности Я.К. Грота была разработка теоретических и практических основ русской академической и авторской лексикографии. Данная конференция организована Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН при участии Музея Г.Р. Державина и русской словесности.

История Словарного отдела ИЛИ РАН тесно связана с научно-практической деятельностью Я.К. Грота. Толковый академический словарь, вышедший под ред. Я.К. Грота (1891–1895), до сих пор считается образцовым в лексикографии. В Институте лингвистических исследований РАН находится Большая словарная картотека, известная филологам как «Картотека Я.К. Грота–А.А. Шахматова», которая по-прежнему является уникальной эмпирической базой для создания толковых академических словарей.

На столетнем юбилее Я.К. Грота академик А.А. Шахматов так обобщил вклад ученого в истории русской филологии: «С именем Грота связано много страниц в истории русского просвещения. Ломоносов, Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский, Пушкин, корифеи нашей литературы, имеют в нем или своего издателя-комментатора или своего историка-биографа. Наш язык нашел в Гроте неутомимого исследователя, много потрудившегося между прочим над популяризацией научных о нем знаний. Многолетними его трудами достигнуто упорядочение нашего правописания. Гротом положены основания русского Словаря, памятника современного литературного и живого языка». Широта научных интересов Я.К. Грота обусловила широту круга рассматриваемых на конференции филологических проблем.

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И УНИФИКАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В связи с появлением новых предметных областей и методов исследования теоретическое осмысление процессов формирования концептуально-терминологического аппарата лингвистики приобретает особый методологический смысл. «Проблемами первостепенной важности для металингвистики являются следующие: 1) проблема метаязыка, его отношение к терминологии и номенклатуре и вытекающие отсюда общие вопросы таксономии и метатаксономии данной науки; 2) проблема развития данной терминологической системы...» [1: 8].

Метаязык лингвистики, обозначая сущностные онтологические характеристики языка, является изоморфным системе понятий лингвистики в той степени, в какой может быть признана изоморфность вторичного языка-описания и первичного языка-объекта, основанная на фундаментальной амбивалентности слова. Семантическая амбивалентность слова и языка в целом позволяет осуществлять вербализацию специального лингвистического знания в процессе сменяемости научных теорий.

Растущая интернационализация социальной и духовной жизни, обусловленная общечеловеческим прогрессом, постоянно вызывает появление множества новых реалий, идей, концепций и иных мыслительных категорий, требующих однозначного обозначения в разных языках. Эти требования поддерживаются экстралингвистическими факторами, которые «подталкивают» языки к интенсивным поискам языковых средств и способов словесного выражения новых понятий.

В формировании новых понятий, в том числе и интернационального характера, участвуют все языки. Однако, как свидетельствуют многочисленные наблюдения, в силу определенных исторических, социально-культурных и языковых факторов большинство новых смыслов общечеловеческого характера до сих пор получает материализованное воплощение, прежде всего, с помощью греческого и латинского языков, выполняющих функции «строительного материала».

Закономерности в выборе и комбинации терминоэлементов в пределах лингвистики в целом и в ее отдельных областях вскрывают внутреннюю динамику терминообразования. Мультиязыковое сопоставление межъязыковых терминологических соответствий устанавливает основные направления семантической транспозиции, поддерживаемой греко-латинскими словообразовательными средствами в сфере лингвистической терминологии, конечным результатом которых является образование общего терминологического фонда.

Прагматическая направленность терминов предопределяет их структурно-смысловую организацию, которая требует особой стратегии по созданию терминологических единиц, наиболее полно отвечающих требованиям профессионально-научной коммуникации. Упорядочение терминологии предполагает ее унификацию, приведение в соответствие с системой научных понятий и лингвистическими требованиями к идеальному термину.

Существует принципиальная возможность внедрения в лингвистическую теорию и практику национальных и международных унифицированных отраслевых стандартов на термины, формирующие метаязык лингвистики. Систематизация, унификация и стандартизация лингвистических терминов влечет за собой необходимость создания лексикографической базы, адекватной современному уровню развития метаязыка этой отрасли знания.

Литература

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 576 с.

*А.М. Ахметбекова
Казахский национальный
университет им. аль-Фараби
(Казахстан, г. Алматы)*

К ВОПРОСУ О ТРЕБОВАНИЯХ К ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕФИНИЦИИ

Специальная лексика в словарях различных типов фиксируется по-разному и с различными целями. Неравномерное отражение специальной лексики послужило созданию новых отраслевых терминологических словарей, где предписания преобладают в виде дефиниций, инструкций, указаний и иногда описаний.

Терминологическая лексикография как новая специализированная отрасль лексикографии рассматривает проблемы, связанные с выявлением понятий специальной лексики, их иерархией и составлением точной дефиниции каждого понятия.

Учитывая основные принципы систематизации и классификации понятий и их определения, отметим, что содержание понятия содержит в себе совокупность отличительных признаков понятия, ядром которого являются существенные признаки. Если объем понятия раскрывается с помощью его деления на видовые понятия при построении классификационных схем понятий, то содержание понятия устанавливается путем логической операции определения, результатом которой является дефиниция понятия.

Чтобы определить понятие, достаточно указать на отличительные существенные признаки этого понятия. В исследовании И.Н. Волковой определяется, какими должны быть дефиниции научно-технического понятия [1: 169]. С.В. Гринёв [2: 88] и С.Д. Шелов [3] также отмечают ряд требований к терминологической дефиниции, некоторые из которых совпадают с требованиями И.Н. Волковой. Однако именно С.В. Гринёв делит данные требования на логические и терминологические, которые, тем не менее тесно связаны между собой.

Обсуждение требований дефиниции затрагивает проблематику дефиниции как средства фиксации содержания термина. Исходя из требований к дефинициям терминов, предложенных И.Н. Волковой, С.В. Гриневым и С.Д. Шеловым, с лингвистической точки зрения дефиниция понятия *должна*:

1. быть точной, а, следовательно, содержать только существенные признаки понятия, необходимые и достаточные для его идентификации и выделения из ряда других понятий;

2. быть адекватной, соразмерной дефинируемому понятию;

3. обладать краткостью, лингвистической ясностью и чёткостью, а также системностью (содержательной, лексической, синтаксической), словесно отражая место понятия в понятийной системе, указывая на вид связей, на отношение с ближайшими понятиями;

4. соответствовать современному уровню знания;

5. исключать наличие логического круга, при котором одно понятие определяется через другое, которое, в свою очередь объясняется через первое; *и не должна*:

6. быть противоречивой, так как логическое противоречие разрушает мысль;

7. допускать тавтологии, т.к. дефиниция не должна содержать те признаки, которые уже отражены в буквальном значении термина;

8. быть отрицательной, объясняя, чем является определяемый предмет, отраженный в понятии. Хотя отрицательная форма дефиниции может использоваться в ряде случаев, когда негативность заложена в самом понятии.

Вместе с тем набор этих требований не только не постоянен от работы к работе, но и неоднороден по своему составу. Данная неоднородность очевидна при рассмотрении требований с точки зрения возможности их практического применения в ходе выработки оптимальных дефиниций. Анализ лингвистических терминологических словарей на английском, русском и казахском языках показывает, что терминологическая дефиниция, к сожалению, не всегда соответствует требованиям.

Литература

1. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. — Изд.2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 248 с.

2. *Гринев С.В.* Введение в терминоведение. — М.: Московский Лицей, 1993. — 309 с.
3. *Шелов С.Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 280с.

Е.Ю. Басаргина
Санкт-Петербургский филиал Архива
Российской академии наук

УЧАСТИЕ Я.К. ГРОТА В ДИСКУССИИ О ПОЛОЖЕНИИ ОТДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Во второй половине XIX в. было сделано несколько неудачных попыток провести реорганизацию Императорской Академии наук, предполагавшую изменение ее Устава, утвержденного в 1836 г. Необходимость реформы была обусловлена многими причинами. Главным и самым трудным вопросом, который она должна была решить, был вопрос о статусе Отделения русского языка и словесности (ОРЯС), которое появилось в составе Академии наук в 1841 г. в результате присоединения к ней Российской академии.

Отделение русского языка и словесности находилось на особом положении. На его членов не распространялись те служебные права, какие были предоставлены всем другим академикам: они не получали ни жалованья, ни пенсий. Взамен этого им была назначена плата за каждое заседание, в котором они участвовали, и гонорар за издаваемые ими труды. ОРЯС имело свое особое «Положение» и штат.

Сама попытка реформы Академии наук, впервые предпринятая в 1857 г., была направлена в первую очередь на то, чтобы согласовать «Положение» об отделении с Уставом ИАН и уравнивать материальное обеспечение и служебные права членов ОРЯС с правами остальных членов.

В 1864 г. вновь началось обсуждение нового проекта Устава. На этот раз рассматривался вопрос о присоединении Отделения русского языка и словесности к Историко-филологическому отделению. Я.К. Грот был одним из сторонников слияния двух отделений, полагая, что эта мера приведет к усилению взаимного общения ученых родственных специальностей.

В самом Отделении русского языка и словесности не было единодушия по этому вопросу. Противники объединения доказывали, что труды Отделения русского языка и словесности в большей степени, чем занятия двух других отделений, которые целиком посвятили себя «чистой» науке, служили национальным интересам России. Доводы о значении ОРЯС для развития национального самосознания оказались настолько весомыми, что Грот

согласился с ними. В окончательном варианте проекта Устава самостоятельность Отделения русского языка и словесности была сохранена.

Отделение русского языка и словесности продолжало жить несколько обособленной жизнью вплоть до 1894 г., когда его члены были уравнены с членами двух других отделений в отношении жалованья и пенсий. Несмотря на некоторую дискриминацию, члены ОРЯС стояли за его самостоятельность и противились согласованию общего академического устава с «Положением» об отделении. Самостоятельность Отделения русского языка и словесности была ликвидирована только в 1927 г.

*Л.А. Баташева, И.Н. Кайгородова,
Астраханский государственный университет*

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАРОДА (на материале речи жителей Астраханской области)

В многочисленных трудах Я.К. Грота содержатся ценные замечания о том, что «язык народный выражается удачнее и своеобразнее литературного языка» и о значении обращения к глубокому изучению областных слов как источнику исследования исторического пути бытования слова. Объектом нашего рассмотрения стали диалектно-просторечные слова, встречающиеся в живой речи астраханцев. Значительное число слов диалектно-просторечного характера можно обнаружить в лексико-семантической группе «Рыбная ловля, рыбный промысел», поскольку рыбный промысел на определённых исторических этапах был доминирующим на территории Нижней Волги. Лексика, обслуживающая эту сферу, переходит из поколения в поколение, часто реализуясь в речи в переносном значении: *ерик* может реализовывать переносное значение: *Э, вы что, не видите: у вас там под раковинной водищи целый ерик!*; *шауш* – ‘тонкий плавучий лёд’ (*Ты долго ещё сидеть будешь? Шауш уже в тарелке скоро поплывёт, а ты всё сидишь* (мать ребёнку, который медленно ест)).

Слова из обозначенной выше лексико-семантической группы активно используются в живой речи в качестве образа для сравнения. Например: *мелкий как пузанок* (ср. *пузанок* – ‘небольшая рыба семейства сельдевых’), *язык как сомовий плёс* (*плёс* – ‘хвостовой плавник сома’). Очевидно, что использование слов в переносном значении даёт им возможность задержаться в языке. В переносном значении они используются говорящими по привычке: *Налетела, как чамра, всем головы посрывала и удалилась. Стиль у неё руководства такой* (*чамра* – ‘сильный порывистый ветер на море, налетевший неожиданно’). Яркими носителями культурно-исторической информации являются топонимы: *Аннушкина протока* (от *аннушка* – ‘одно из названий шуки в низовьях Волги’),

Бабий ерик (связано с наличием в прошлом гнездовой пеликана, называемого *баба*), *Гоголевский ерик* (от устар. *гоголь* – ‘птица’) буквально означает ‘птичий ерик’). Эти примеры подтверждают высказывание Я.К. Грота о том, что материалы о словах народного языка «так драгоценны, что издание их всегда будет составлять эпоху в истории русского языка... и должно иметь обширное развитие в будущем».

Таким образом, материал диалектно-просторечной лексики и астраханские топонимы подтверждают положение о том, что региональная лексика является источником культурно-исторической информации, и её изучение является перспективным для современной региональной лингвистики.

А.П. Башмакова
Санкт-Петербургский
государственный университет

БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОВА В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ

Одна из задач составителей словаря – отсутствие противоречий, последовательность при отражении тождественного языкового материала и соответствие характеристики слова современным лингвистическим теориям. Однако при описании отдельных групп слов современная наука не предлагает общепринятых решений, и неоднозначность лексикографирования оказывается неизбежной, особенно в диалектных словарях. Яркий пример – представление в различных диалектных словарях группы безлично-предикативных слов.

Эта группа не только в областной, но и в общей русской лексикографии не имеет определенного грамматического статуса. Участники дискуссии, посвященной этому вопросу и проходившей в 50-х – 60-х годах прошлого века, не пришли к единому мнению, а рассмотрение таких слов как синкретичных или гибридных, отражая реальную ситуацию, не спасает положение при лексикографическом описании. В диалектных словарях безлично-предикативные слова могут рассматриваться как наречия (иногда с указанием на синтаксическую функцию), как самостоятельный класс (сопровождаясь соответствующими пометами) или без уточнения грамматической принадлежности.

Для сопоставительного анализа отобраны словарные статьи *больно*, *болько*, *весело*, *видко*, *водено* и др. из следующих словарей: СРНГ, Вершининский словарь, Архангельский областной словарь, Словарь брянских говоров, Новгородский областной словарь, Словарь говора дер. Деулино, Полный словарь диалектной языковой личности, Словарь говора дер. Акчим, ПОС, Словарь тверских говоров «Селигер».

Дифференциальные словари, целью которых является прежде всего введение в научный оборот диалектного материала (напр., «Селигер»), с одной

стороны, или показ диалектных особенностей семантики и богатства словообразовательных явлений в говорах – с другой (напр., СРНГ), уделяют разработке грамматической характеристики меньше внимания. Словари полного типа стремятся показать диалектные особенности различного плана и с разных точек зрения.

В тех случаях, когда грамматическая характеристика слова оказывается спорной или сложной, необходимо не только максимально полное привлечение материала, но и учет таких особенностей употребления слова, как наличие при нем синтаксически зависимых слов, возможность употребления с глаголом-связкой в разных временных формах, соотнесенность с настоящим моментом, влияние порядка слов на семантику и др. Полный диалектный словарь, который не является ни справочным, ни нормативным, дает возможность широкого показа переходных и синкретичных явлений языка. Эти явления должны обязательно отражаться внутри словарной статьи с помощью тщательно разработанной системы помет.

*А.А. Бурькин
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)*

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФОНЕТИКИ, ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ (спорные вопросы в системе фонем русского языка с позиций фонологической школы Л.В. Щербы)

Как известно, в представлениях о составе фонем современного русского языка нет однозначности, и различия в установлении состава фонем и в фонологической идентификации ряда звуковых единиц русского языка определяются — по крайней мере, так считается — различиями между Санкт-Петербургской (Ленинградской) и Московской фонологическими школами. Наш предмет — статус спорных фонологических единиц: во-первых, фонема <ы> и ее отношение к <и>, во-вторых, мягкие заднеязычные <к'> <г'> <х'>, в третьих, палатализованные шипящие [ш:'] [ж:'].

1. Фонологический статус гласной <ы>. Основными аргументами против самостоятельности <ы> как шестой гласной фонемы русского языка являются два тезиса: позиционное дополнительное распределение звуковых единиц – [и] после мягких, [ы] после твердых согласных, невозможность или существенная ограниченность появления [ы] в начале.

Является ли позиционным чередование твердых согласных с мягкими согласными перед и/ы? На этот вопрос дается однозначно отрицательный ответ. В примерах типа *гнездо – гнездышко, стекло – стеклышко, крыло – крылышко, бревно – бревнышко, дно – донышко, ребро – ребрышко, перо – перышко, зерно –*

зернышко, пятно – пятнышко мы видим появление гласного [ы] после твердых согласных – как и в хрестоматийном *играть – сыграть*, многократно использовавшемся для доказательства несамостоятельности [ы].

Но имеется и другой ряд примеров, а именно: *одеяло – одеялишко, письмо – письмишко, золото – золотишко, вино – винишко, сукно – сукнишко*, сюда же и *пальто – пальтишко*. Тождество суффиксов в двух рядах примеров едва ли может быть подвергнуто сомнению: можно усматривать разницу в значении суффиксов, но нельзя отрицать перекрытие спектров значений слов с интересующими нас суффиксами.

Сказанное означает, что чередование твердых согласных с мягкими перед щербовским <и>, не смешиваемым с <ы>, также является непозиционным. И хотя получается, что суффикс *ишк-//ышк* имеет два варианта, эти варианты не являются тождественными по фонемному составу.

При этом в паре слов *раб – рабыня* ни чередования твердого согласного с мягким, ни мены *ы//и* не наблюдается. В парах слов, различающихся наличием и отсутствием того же самого суффикса, а именно в примерах *гусь – гусыня, сударь – сударыня, барин – барыня*, по таинственным причинам мягкие согласные чередуются с твердыми, при этом позиция перед *ы/и* для них никак не может считаться слабой. Опять же – если чередования твердых с мягкими или мягких с твердыми перед <ы> и являются непозиционными, это значит только одно: что <ы> и <и> фонологически самостоятельны.

Вопрос о начальном <ы> в русском языке снимается не только по лавинообразно нарастающим данным по именам собственным. Установлено, что объем слов с начальным <ы> в начале XX века искусственно сдерживался некодифицированными орфографическими нормами: гидроним *Ыльч* (река в Вологодской области) имел варианты *Ильч-Ыльч*, название села *Ыб* в Коми республике до недавнего времени писалось и читалось как *Иб*, казахское имя *Ыбарай* – как *Ибрай*.

2. Мягкие заднеязычные <к'> <г'> <х'> в русском языке встречаются в подавляющем большинстве случаев перед <и> *гиря, кит*. Вопрос о мягких заднеязычных снимается тем, что, поскольку чередования согласных по твердости-мягкости являются непозиционными, в том числе в словах *инок – инокиня, монах – монахиня, герцог – герцогиня*, где фонологичными оказываются либо оппозиция твердых и мягких заднеязычных, либо оппозиция <ы> и <и>. В непозиционных чередованиях участвуют альтернанты только с равным фонологическим статусом, т.е. только самостоятельные фонемы.

3. Мягкие шипящие [ш:'] и [ж:']. Фонемный состав Щ проясняется в непозиционных чередованиях *искать – ищю, полоскать – полощу*, при *крутить – кручу*, где правый (второй альтернант) – аффриката <ч>, а первый – сибиллянт <ш>, результат позиционного чередования *с//ш*.

Бифонемность [ш:'] наглядно показывается чередованиями типа *растить – ращу, мстить – мщу* (ср. *возвестить, поместить, чистить, гостить* и др.), бифонемность [ж:'] – аналогичными чередованиями в формах типа *ездить, гвоздить, громоздить, бороздить*, а также соотносительностью форм *брюзжать – брюзга, визжать – визг* независимо от фонетической реализации

глагольных форм. Пример *веснушчатый* дает нам образец сочетания <ш>+<ч> без фонемных чередований. Более сложные случаи фонологической интерпретации представляют слова *объездчик* и *жестче, хлестче* с выпадением или чередованием с нулем последнего согласного основы <т>, как в примере *известный – известен*.

Примеры *жюри, Жюстина, шют*, представляющие негеминированные палатализованные шипящие, на наш взгляд, не являются доказательными для самостоятельности мягких шипящих, но показывают нам скорее подсистему гласных с [ü], а не подсистему согласных. Российские филологи XIX века от О.Н. Бетлингга до Я.К. Грота предлагали ввести особую букву для умлаутированного ö в позиции начала слова, но так и не изобрели её, в результате чего нормой передачи немецкого ö и ое в начале слова оказалось русское э.

Представленный материал иллюстрирует зависимость фонологических решений от графики и орфографии, и это можно считать традиционным для русистики. Понимание фонемы и представления о тождестве морфем в Московской фонологической школе в сильной степени обусловлены русской орфографией. Запрет на начальное Ы изначально, как оказывается, имел графическую природу. Мягкие заднеязычные не имеют полного комплекта графических изображений (соответствующие буквы не сочетаются с ь). Изображение сочетания [шч] одной буквой Щ создает иллюзию монофонемности изображаемого ею фонологического комплекса. Отсутствие специальных графических единиц для манифестации [ж:] серьезно осложняет фонологические решения для соответствующего сегмента речевого потока: одним из них могло бы быть <ж>+<ч>, странное прежде всего по той причине, что соответствующие буквы друг с другом на письме не сочетаются.

Из сказанного извлекаются четыре вывода: 1) спорных вопросов в русской фонологии более нет; 2) разногласия в фонемном составе, вопреки тому, что принято думать, не во всем зависят от позиций щербовской фонологии и московской фонологии, хотя во многом зависят от графико-орфографических решений; 3) неоднородность дистрибуции фонем – норма, правило, а не исключение; 4) фонология строится на тотальном описании фонемной структуры словарного состава и суммы всех фактов морфонологии в корректной или по крайней мере непротиворечивой фонологической интерпретации.

**НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМОЙ И
ВАРИАНТАМИ В СИСТЕМЕ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ
ТЕКСТОВ: ПОД ШОФЕ, ПОД-ШОФЕ, ПОДШОФЕ И ДР.
(материалы проекта «Библиотека лексикографа»)¹**

Электронный ресурс «Библиотека лексикографа», действующий с 2008 г. в Словарном отделе ИЛИ РАН, в настоящее время включает объем текстовых материалов, насчитывающий более 1,5 млрд. словоформ и позволяет решать различные задачи, в том числе поиск идиом и графико-орфографических вариантов слов.

Тема данного сообщения – наблюдения над орфографической вариантностью лексических единиц, представленной в текстах. Понятно, что электронные версии текстов, являющиеся порождением своего времени, максимально приближены к современной норме. Однако выявленные варианты позволяют судить и о дисперсии орфографической нормы в диахронии, и о современном состоянии орфографической нормы, и о некоторой вариативности этой самой нормы в авторском узусе.

Материал данной работы – одна лексическая или лексико-фразеологическая единица *подшофе*, разг, устар. «подвыпивший, находящийся под хмельком, навеселе» (МАС). Современные орфографические словари фиксируют только слитное написание: *подшофе*.

По полученным данным, данная единица встречается в следующих вариантах: *под шофе*, *под-шофе*, *подшофе*, *под шефе*, *под-шефе*, *подшефе*, а также «*подшофе*», «*под шофе*» и «*подшефе*» в кавычках. Ранние фиксации – *под шофе* «Достоевский», *подшофе* (А.И. Герцен, Л.Н. Толстой), *подшефе* (А.Ф. Писемский, В.А. Соллогуб), *под-шефе* (Н.С. Лесков, М.Е. Салтыков-Щедрин). Формы с *шефе* не фиксируются после первой трети XX века, современные тексты дают пять вариантов – *под шофе*, *под-шофе*, *подшофе*, «*под шофе*» и «*подшофе*».

Вариантность написания слова у одних и тех же авторов встречается на протяжении 125 лет: «*подшофе*», *подшофе*, «*под шофе*» и «*под шефе*» (А.П. Чехов), «*подшофе*» и *под-шефе* (И. Шмелев), *подшофе* и «*подшофе*» (Н. Леонов)

Вопреки пометам МАС, данное слово часто встречается у современных авторов — по 31 употреблению у Д. Донцовой и М. Серовой, 19 – у В. Колычева, 8 – у Вит. Гладкого. 6 – у Фр. Незнанского.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 12-34-10454а(ц) («Словарь общепотребительной специальной лексики»).

О КРИТЕРИЯХ ОТБОРА ЛЕКСИКИ В СЛОВАРИ НОВЫХ СЛОВ

Одним из главных критериев включения лексики в неологические словари является ее новизна относительно периода развития русского языка, предшествующего описываемому в конкретном издании. Однако он не является абсолютным, поскольку словари новых слов, описывая изменения в лексическом составе литературного языка, включают не только совершенно новые лексемы, лексико-семантические варианты, устойчивые словосочетания и выражения, но и актуализированную лексику и вхождения из разных функциональных сфер языка, квалифицируемые как относительные неологизмы.

Частота употребления неолексемы – другой важный показатель, учитываемый при помещении ее в словарь новых слов. Благодаря Интернету и его ресурсам неографам стали доступны количественные данные по употреблению в них слов. Этот критерий также представляется не абсолютным для существующих неологических изданий, т.к. он не актуален для такой типологической разновидности, как ежегодные издания, априори включающие лексику единичного употребления, впервые фиксируемую в текстах периодики.

Вопрос о количественных оценках отобранного лексического материала, их использовании для регулирования объема словаря и словарной статьи в настоящее время весьма актуален для неографов (сведения для размышления: объем последнего неологического десятилетника (1990-х гг.) примерно в 3 раза превышает объем первого (1960-х гг.); словарь неологизмов немецкого языка 1990-х гг. составляет около 1000 единиц описания, при 10 000 в словаре неологизмов русского языка этого же периода; отдельные словарные статьи стали превышать удобоваримые объемы, например, статья на слово *синдром* в словаре неологизмов 1990-х гг. в последнем варианте приближается к 2 а.л.).

Представляется, однако, что частотный критерий не может быть применен для установления единого жесткого числового барьера, применимого ко всему материалу. Во-первых, неодинаковая частота употребительности новой лексики объективна в силу ее частеречной принадлежности. Во-вторых, частота употребления слова и, в частности, неолексемы непостоянна и может резко меняться даже в пределах сравнительно короткого времени под влиянием разных факторов. В-третьих, лексика неологического десятилетника обычно находится на разной стадии освоения ее языком: в этом потоке присутствуют неологизмы разной продолжительности жизни и освоенности в пределах данного хронологического среза, что отражается на количественных данных ее употребления.

При решении вопроса о включении в неологический словарь неолексем сравнительно небольшой частоты употребительности необходимо учитывать и системные факторы: регулярность типа конкретного производного, его словообразовательные связи; продуктивность словообразовательных моделей, по которым они образованы; наличие/отсутствие у них номинативных вариантов и антонимов, описываемых в данном словаре или в предшествующих неологических изданиях; актуальность тематических групп, которые они пополняют и т.д. Помимо этого, следует учитывать данные по употребительности ее не только в электронной базе СМИ, но в Интернете.

*И.П. Верба
Военно-космическая академия
им. А. Ф. Можайского (филиал)
(Ярославль)
Н.С. Ганцовская
Костромской государственный университет
им. Н.А. Некрасова*

Я.К. ГРОТ И «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ЯЗЫКА» А.Н. ОСТРОВСКОГО

В ряду источников изучения русских народных говоров важное место занимают «Материалы для словаря русского народного языка» А.Н. Островского. Работа над составлением словаря велась А.Н. Островским в течение всей жизни: и в годы службы в Москве, и во время этнографической экспедиции 1856–1857 гг., и в усадьбе Щелыково Кинешемского уезда Костромской губернии.

О своей работе по составлению словаря народного языка А. Н. Островский поставил в известность академика Я. К. Грота и выразил готовность представить в Отделение имевшиеся у него материалы. 16 октября 1880 г. состоялось заседание Отделения русского языка и словесности Академии наук, на котором было решено «просить г. Островского о доставлении означенных материалов, которые, конечно, не могут не заслуживать внимания как труд такого талантливое знатока нашей родной речи» (из протокола Отделения русского языка и словесности).

Однако А. Н. Островскому не удалось опубликовать свой труд. По признанию самого писателя в письме академику Я. К. Гроту, эта работа не была доведена до конца по той причине, что «одного только мало, а иногда и совсем нет – это досуга, то есть возможности заниматься чем-нибудь другим, кроме иссушающего мозг драматического изобретения». И только после смерти писателя, в 1891 г., материал, переданный во Второе отделение Академии наук его братом М. Н. Островским, был принят в виде «расположенного

в алфавитном порядке на карточках сборника слов» в качестве «дополнения к словарю Даля». Полученный Отделением материал представлял большой интерес для составителей «Словаря русского языка» Второго отделения Академии наук. «Материалы...» частично вошли в академический «Словарь русского языка» (буквы Е, Ж, З, И, К) и были указаны в числе его источников под названием «Словарь народного языка, составленный А. Н. Островским». В настоящее время «Материалы...» используются в качестве одного из источников «Словаря русских народных говоров», а также послужили своеобразной программой при составлении Краткого костромского областного словаря «Живое костромское слово» (2006).

Высоко оценённый Я. К. Гротом лексикографический труд А. Н. Островского содержит ценные сведения о русских народных говорах. Лексический материал, собранный А. Н. Островским для словаря русских народных говоров, является важным источником изучения духовной и материальной культуры России, прежде всего её центра.

*Д.В. Виноградов
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)*

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕД. Я.К. ГРОТА

Одной из характерных особенностей Словаря русского языка под редакцией Я. К. Грота является наличие примечаний, данных к некоторым словам, поясняющим их значение, характер употребления, происхождение и пр. Наличие этих примечаний, являющихся частью словарной статьи, уникально для русской лексикографии XVIII – XX веков.

Выделенные графически (они идут с абзаца и набраны более мелким кеглем, чем основная часть словарной статьи), эти примечания, по замыслу главного редактора словаря, должны были, видимо, отвечать на те вопросы, которые, по мнению Грота, могли появиться у читателей издания.

На основании ключевой информации, содержащихся в примечаниях, их можно разделить на несколько групп: орфографические, орфографически-этимологические, энциклопедические и т.д.

Однако анализ примечаний позволяет сделать вывод об отсутствии четкой системы представления в словаре справочных сведений и даже некоторой хаотичности самих примечаний.

Закономерно поставить вопрос: чем же были «гровские примечания» в истории русской лексикографии – неудачным нововведением или первым шагом к словарю нового типа?

ОТ ПЕРВОГО АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ XIX ВЕКА К ТЕКСТООПИСЫВАЮЩИМ ИНТЕРНЕТ-СПРАВОЧНИКАМ XXI ВЕКА

В 2013 году исполняется 130 лет со дня публикации первого в истории русской лингвографии авторского словаря – конкорданса к стихотворениям Г. Державина (1883), подготовленного академиком Я.К. Гротом. И в настоящее время конкорданс является одним из самых популярных типов языковых справочников, регистрирующих и описывающих материалы текстов различного типа (особенно популярен этот вид контекстного словаря в зарубежной лингвографии).

Создание конкордансов с использованием технологий последних десятилетий позволило существенно расширить информационный потенциал языковых справочников, устранить ряд ограничений, которые накладывала на возможности словаря его традиционная – бумажная – форма.

Опыт создания и эксплуатации электронных справочников различного типа, среди которых: а) на материале русского языка – словарь языка памятников Казанского края XVI-XVII вв., словарь языка русских паремий конца XVII – 1-й половины XVIII в.; словарь языка документов, связанных с русско-восточными взаимоотношениями XVI-XVII вв.; словарь языка русской поэзии XIX века, словарь языка Г.Р. Державина и др.; б) на материале татарского языка – словарь языка поэзии Г. Тукая; словарь языка «Моабитских тетрадей» М. Джалиля и др. (часть из этих справочников см. на сайте «Казанский лингвографический фонд» портала Казанского федерального университета (<http://www.klf.kpfu.ru/>) наглядно демонстрирует широкие возможности многовариантного и многоцелевого использования электронных языковых словарей, имеющих, в частности, следующие преимущества:

- исчерпывающую регистрацию всех единиц, представленных в источниках;
- доступ ко всем контекстам, в которых представлена искомая единица, с возможностью определения объема выводимого текста (от одной строки до всего текста источника);
- удобство эксплуатации, быстроту доступа, точность выполнения запроса;
- мобильность, динамичность справочника в целом и его компонентов, возможность оперативной корректировки материалов, пополнения новыми информационными зонами («рост» электронных словарей от версии к версии является обычным явлением);
- возможность формирования состава (списка) источников, подвергаемых обработке при запросе: а) один источник, б) группа источников, отобранных по разным признакам, например, хронология, тип источника, в) все источники;

- многовходовость; в традиционном словаре обычно один вход (алфавитный прямой), электронная версия предоставляет возможность входа с учетом различных признаков, например, вход по компонентам слова с указанием их позиции, по всевозможным характеристикам, отраженным в словаре (частота, часть речи и др.).

В процессе эксплуатации электронного словаря пользователь становится соавтором (составителем) выводимой словарной статьи, он формирует ее с учетом своих потребностей.

Названные преимущества характерны для разных видов электронных справочников, особо отметим два «плюса», которые появились у них благодаря обогащению компьютерных технологий интернет-технологиями:

- глобальную обобщественность материалов этих словарей, доступность широкому кругу пользователей (всем находящимся в сети);
- большие возможности создания справочных мегакомплексов, объединяющих разнообразные сетевые ресурсы, расположенные в разных местах (на различных сайтах, порталах) Интернета.

*Е.Н. Геккина
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПРОСЫ В ПРОЕКЦИИ МЕТАЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современная научная интерпретация метаязыковой деятельности читателя, инициированной практикой использования лингвистических словарей, осуществляется как на широком теоретическом материале, определяемом рамками понятий «наивная картина мира» и «лексикографическая культура» (В.Д. Девкин, В.А. Козырев, В.Д. Черняк), так и на основе экспериментальных данных, полученных, в частности, при помощи методики свободных ассоциаций (Ю.Н. Караулов), контент-анализа высказываний, включающих единицы лексической парадигмы «словарь» (И.А. Зайковская). Эти теоретические обобщения и частные наблюдения имеют важное значение для решения прикладных задач отечественной лексикографии, для подготовки изданий, адресаты которых видятся авторам-составителям во всех основных «словарно» значимых проявлениях.

На наш взгляд, материал, привлекаемый для исследования лексикографических представлений массового читателя, в частности его словарных ожиданий и достижений, если под ними понимать позитивные результаты работы со словарем, может быть значительно расширен за счет использования архивных баз справочных служб. Форматом лингвистической

консультации предусмотрен открытый метаязыковой диалог, в котором получают отражение уровень и диапазон словарной практики носителей русского языка, а следовательно, становится возможным многовекторный анализ «наивной лексикографической картины мира».

Общий архивный корпус справочной лингвистической службы формируют эксплицитные метаязыковые тексты (преимущественно вопросы, ориентированные на получение информации из словарей и о словарях, а также высказывания об отношении консультирующихся к словарям различных типов и разных лет издания) и имплицитные метаязыковые тексты (вопросы и суждения, посвященные лексическим, грамматическим, стилистическим характеристикам языковых единиц, а также фигурам выражения языковых единиц в устной и письменной речи), предполагающие опосредованную апелляцию к словарно-справочной литературе.

В докладе рассматриваются эксплицитные и имплицитные метаязыковые тексты лексической и лексикографической тематики из архивной базы Службы русского языка ИЛИ РАН и Справочной службы информационно-образовательного сайта «Культура письменной речи» (www.grammar.ru). Типологизация лексикографически мотивированных запросов позволяет установить: метаязыковой диалог консультации отражает сбалансированный двунаправленный поток языковых задач говорящих / пишущих и слушателей / читателей. Первую категорию задач характеризует движение от референта к имени и к печатному или электронному собранию имен; вторую категорию задач – от печатного или электронного собрания имен и от имени к референту.

*И.Б. Дягилева
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)*

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 30-40-Х ГГ. XIX ВЕКА¹

Академик Я.К. Грот неоднократно обращался к проблеме заимствования в своих научных трудах: «Толковый словарь живого великорусского языка, В.И. Даля», «Карамзин в истории русского литературного языка», «Заимствованные слова и имена собственные» и целом ряде других. Отмечая, что «заимствованные слова в большем или меньшем количестве составляют принадлежность и законное приобретение всех языков» [1: 323], он, однако, призывал «к известной умеренности и разборчивости в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-04-00056а «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.».

заимствовании чужих слов» [1: 355]. С 30-40-х гг. XIX в. возрастающая интенсивность контактов с Западной Европой привела, по мнению Я.К. Грота и его современников, к излишнему «наплыву чужеземных слов» в русский язык. Особую роль в распространении иноязычной лексики начинают играть газеты, прежде всего «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела», в которых в рубрике «Внутренние известия» регулярно появляются переводные материалы из западноевропейских газет.

Значительный пласт газетной иноязычной лексики составляют иноязычные вкрапления. Наиболее часто употребляются имена собственные в графике языка-источника, что обусловлено их функцией предметной идентификации. Это наименования газет и журналов — источников «заграничных новостей»: *Morning-Chronicle*, *Times*, *La Presse*, *Gazetta Piemontese*, *Augsburger Allgemeine Zeitung*, *Handelsblad*; личные имена: администратор банка Томас Геёрдаль (*Heyerdahl*), граф Сель (*Celles*), инженер-воздухоплаватель (*ingénieur-aéronaute*) Г. Дююи-Делькур (*Dupuis-Lelcour*); названия кораблей: корветта *Diligente*, судно *Briten*, пароход «*Lord of the Isles*», бриг *Savage*; театров, спектаклей, арий и т.п.: *Varietés*; *Bel raggio lusighier*.

Иноязычные слова с подробными пояснениями их значений окказионально используются для передачи местного колорита в фельетонах. (Например, в «Фельетоне о Швейцарии» при описании сбора винограда: *la bise noire*, *live le ban*, *vendangeuses*, *dimards*, *jodeln*, *kirschwasser*)

Существенное место на страницах газет занимает терминология: театральная, музыкальная, балетная (*jeune premier*, *morceaux d'ensemble*, *crescendo*, *corps-de-ballet*, *pas de deux*, *pas de dix*), терминология живописи (*clair-obscur*), зоологические и ботанические термины (*scarabeus*, *geotrupes nasicornis*; *diosma crenata*).

Особый интерес представляют регулярно используемые в фельетонах и критических заметках латинизмы (*Domestica facta! Nec plus ultra.*), фразеологизмы из французского языка (*pour la bonne bouche*, *comme tout le monde*).

В качестве иноязычных вкраплений фиксируются слова, вошедшие позже в основной словарный состав русского языка (*sportman*, *grippe*).

Таким образом, на страницах газет в 30-40-е гг. XIX века иноязычные вкрапления составляют значительную группу лексики, разнообразную в функциональном плане. Ее анализ является важной составной частью историко-лексикологического изучения русского языка XIX века.

Литература

1. Я.К. Грот Филологические разыскания. – Т. II. – СПб., 1876.

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА ЛЕКСИКОГРАФИИ: PRO ET CONTRA

Лексикографическая компетенция современника переживает серьезные трансформации, которые, с одной стороны, связаны с лексикографическим бумом отечественного книжного рынка, а с другой – с экспансией электронных форм лексикографии. Более привычный и более понятный способ получения информации (через электронные устройства) приводит к тому, что современный пользователь словаря все реже открывает книгу, стремясь найти ответы на вопросы в Интернете. Данная ситуация содержит в себе как положительные, так и отрицательные векторы развития.

Основные минусы пользования словарями в Интернете можно свести к трем.

(1) Потребность в поиске значения или написания слова у Homo Informaticus определяется не столько осознанной потребностью обращения к словарю, сколько привычкой получать знания не из книжных источников, а из электронной среды. Отсюда для среднестатистического пользователя гораздо более важным фактором становится скорость нахождения ответа, нежели качество того источника, из которого этот ответ получен.

(2) При кажущемся разнообразии лексикографического контента сейчас в русском сегменте Интернета в открытом доступе находится не очень большое количество настоящих, адаптированных под электронную форму существования и общепризнанных научным сообществом словарей.

(3) Практически ни один информационный портал не пропагандирует лексикографическую грамотность, например, не объясняет, как правильно пользоваться конкретным словарем, какого рода информацию из него можно почерпнуть, а какую – нет. Большинство порталов, специализирующихся на словарях и справочниках, основным своим достоинством считают количество доступных словарей, но не их качество и уж тем более не разъяснительную работу с потенциальным пользователем.

Вместе с тем обилие и различный уровень существующих в Интернете словарей и справочников представляет разнообразные возможности, практически не доступные традиционной («бумажной») лексикографии: морфологический поиск, гипертекст внутри словарной статьи, поиск в словарной базе по нежесткому запросу (включая ошибочное написание), фильтрацию информации в соответствии с пользовательским запросом, объединенные системы поиска по нескольким словарным базам одновременно и мн. др. Особо стоит отметить тот факт, что электронные лексикографические издания могут оказать существенную помощь изучающим русский язык иностранцам.

Однако электронная лексикография создает и новые, отсутствовавшие ранее проблемы как для рядового носителя языка и пользователя Интернета, так и для преподавателя русского языка. Более того, появление и бурный рост существующих исключительно в интернет-версии словарей неминуемо приведет к изменению самой лексикографической культуры. Примером таких трансформаций становится нередкая в рунете ситуация, при которой потребитель текста сам становится участником его создания (например, созданный в 2004 г. русский Викисловарь).

Е.А. Жданова
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

РОЛЬ СЛОВАРЕЙ НОВЫХ СЛОВ В АНАЛИЗЕ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

В словарях новых слов отражается пополнение языка новыми лексемами в рамках определенного хронологического среза. Однако по их материалам можно судить об изменениях на разных языковых уровнях. Ученые отмечают, что неологизмы в целом должны рассматриваться как явление культуры. Исследоваться могут новые слова, зафиксированные в неологических словарях; морфемы, с помощью которых они образованы; способы образования; грамматические характеристики; стилистические пометы и т.д. Учет этих характеристик позволяет дать комплексную оценку языковых изменений, определить векторы языкового развития.

Так, в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (НСЗ-90, т.1) зафиксированы неологизмы, относящиеся к актуальным тематическим группам «Компьютерные технологии» (слова с *веб/www-*, *Интернет-*, *ИТ-*), «Предпринимательство» (неологизмы с *бизнес-*), «Криминал» (*аудиопират*, *бандитизация*); отражающие новые реалии политики (*ельцинизм*), экономики (*ваучеризация*), быта (*евророзетка*). Велика доля неологизмов-заимствований (внешних и внутренних).

Словообразовательные неологизмы характеризуются весьма неравномерным распределением по частям речи: существительные значительно преобладают, а новых глаголов всего около 150 из 4250 новых слов. Среди существительных много композитов, что не характерно для глаголов.

Расширяются словообразовательные возможности разных аффиксов: префиксы свободнее сочетаются с основами существительных (*гиперанислаг*, *демакияж*); в словообразовании активно используются аффиксы, характерные для разговорной речи (*запрещенка*, *казначейка*; *бээмпуха*, *джинсуха* и др.). В конце XX века преобладают словосложение и суффиксация у субстантивов,

суффиксация, словосложение и префиксально-суффиксальный способ у прилагательных. Изменяется соотношение способов образования у слов разных частей речи: аббревиация представлена и у прилагательных (*ГМ – генетически модифицированный*). Значительную группу композитов составляют слова типа *бизнес-класс, бомж-отель, КВН-газета*: высокая частотность употребления подобной модели свидетельствует о ее стремлении закрепиться в языке.

Интересен анализ стилистических помет: самыми частотными оказываются пометы «разг.» (более 400), «проф.» (около 200; может сочетаться с «разг.»), «публ.» (более 150), активно используется и помета «жарг.» (около 100), а помета «книжн.» встречается всего около 10 раз. В НСЗ-90 представлены слова с разной коннотацией, преимущественно негативной (пометы «неодобр.», «пренебр.», «презрит.» и др.), слов же с пометой «высок.» единицы, что свидетельствует о преобладании негативного в оценке нового и об усилении разговорной составляющей в письменном литературном словоупотреблении.

Таким образом, данные неологических словарей могут использоваться для объективного и комплексного выявления новых тенденций в языковом развитии.

*А.В. Зеленин
Университет г. Тампере
(Финляндия)*

Я.К. ГРОТ В ФИНЛЯНДИИ: ВОСПРИЯТИЕ ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Яков Грот — из семьи обрусевших немцев Карла Грота и Каролины Цизмер (Ziesmer) — уже с детства усвоил себе (особенно от матери) некоторые жизненные принципы, позволявшие ему в дальнейшем блестяще справляться в трудных межнациональных и межъязыковых конфликтных ситуациях как в иноязычных и инокультурных регионах Российской империи (в частности, в Финляндии), так и в самой столице, занимая высшие академические должности; во многом эти принципы базировались на семейном воспитании: немецком по методам, российско-патриотическом по духу, полилингвальном по культурному контексту (немецкий, русский, французский языки).

В докладе рассматривается «финский» период жизни великого филолога (1840-1852 гг.).

1811 г. – начало обучения русскому языку в Академии в г. Турку. Однако попытки внедрения русского языка как государственного (Финляндия с 1809 г. стала частью Российской империи) наталкивалась на значительное сопротивление шведской (шведоговорящей) элиты.

Владение шведским языком, знание скандинавской (=шведоязычной) литературы, накопленный опыт работы в министерских комиссиях и комитетах — всё это одни из причин, обусловивших назначение Грота профессором кафедры русского языка в Гельсингфорсском университете в 1840 г. (финского языка Грот, очевидно, не знал, но изучал его).

Живое сотрудничество с филологами и литераторами Финляндии (Элиасом (Ильей Ивановичем) Леннротом, «русским Пушкиным» Й.-Л. Рунебергом, финноугроведом Матиасом (Матвеем Александром) Кастреном, философом, общественным деятелем Й.-В. Снелльманом, поэтом Ларсом (Лаури) Стенбеком и др.) позволяло Я. Гроту быть в центре напряженных поисков Финляндией своей национальной самобытности, завоевания позиций финского языка в государственной жизни в культурно-историческом треугольнике «русский/Россия – шведский/Швеция – финский/Финляндия». Будучи профессором университета, Грот понимал роль и значение библиотеки как в становящемся финском университетском (высшем) образовании, так и в распространении, защите и пропаганде русского языка на иноязычных и иноконфессиональных территориях для успешности государственного управления в масштабах огромной Российской империи. Грот лично следил, чтобы в библиотеку поступал экземпляр каждой изданной в России книги, газеты, каждого журнала.

Поездки Грота на север Финляндии и оставленные им записки до сих являются практически единственными источниками по реконструкции бытовой жизни финской северной деревни.

Деятельность Грота в Финляндии приходилась на сложные, противоречивые годы становления финского национального чувства, пытающегося выстраивать свой идентитет в контрасте как со шведским культурно-языковым влиянием, так и с имперско-русской государственно-политической экспансией. Хотя Грота его биограф Е.Б. Белодубровский характеризует как «виртуоза социальных отношений», тем не менее попытки Грота уменьшить среди финского населения антироссийские / антирусские / антицарские настроения порой натывались на сопротивление финнов (оскорбления студентов в университете; разбитые окна в квартире и др.) и прошведски настроенной культурной элиты. Поэтому оценки роли Грота в интеллектуально-культурной жизни Финляндии 1840-х годов среди современных финских историографов до сих значительно разнятся: от признания за ним важной просветительско-организационной работы, выполненной на благо финской культуры, до позиции, рассматривающей деятельность Грота в Финляндии в первую очередь как защитника и проводника царской имперской идеологии.

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДИАЛЕКТНЫХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ

Труды Я.К. Грота в области лексикографии до сего дня имеют непреходящую ценность. В дань памяти о крупном лингвисте, теоретике и практике словарного дела мы отважимся говорить о способах лексикографической интерпретации уникального диалектного материала.

В разговорной речи сельских жителей Вологодской области нами зафиксировано множество формул благопожеланий: *Вёдро на грабли!* – тому, кто занимается заготовкой сена; *Лебеди на бук!* – тому, кто полощет бельё; *Море под кормилицей!* – тому, кто доит корову; *Мыло в корыто!* – тому, кто стирает бельё; *Мясо – сахар!* – тому, кто режет животное на мясо; *На толстой пахтус!* – тому, кто сбивает масло; *Пух под ножницы!* – тому, кто стрижёт овцу; *Хлеб на под!* – тому, кто печёт хлеб, и мн. др.

Подобные формулы отличаются устойчивостью, стереотипностью, многие из них характеризуются яркой метафоричностью, ритмизованностью. В истоках ряда благопожелательных формул лежат сказочные сюжеты (*Серебро в ведро!* – при черпании воды), старинные колядные песнопения (*Дежень да каша!* – при уборке зерновых культур), архаические ритуальные фразы (*Гусни, хрясни!*).

В русском литературном языке не наблюдается такой специализации этикетных формул, которая свойственна единицам народного речевого этикета (ср. в литературном языке: *Успеха! Удачи! Всего самого доброго!*). Помимо тщательной детализации (что ни действие в тесном деревенском общении, то и специальное благопожелание), в крестьянской среде система благопожеланий сохраняет многочисленные архаические лексемы и формы, характерные для языка XIX века и более ранних эпох (*Сто локот на пришивицу! Сто стен на сновалочку!*), иллюстрирует затемнение исконных семантических связей (*Оспорина в квашню!* вместо *Спорынья в квашню!*), отражает сдвиги, происходящие в сознании коммуникантов нового времени.

Являясь диалектными или, что вероятнее, просто не зафиксированными в соответствующих текстах, изучаемые благопожелания не регистрируются, как правило, нормативными словарями. В «Словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакая [М.: АСТ-ПРЕСС, 2001] (а автор использовал и диалектные материалы), такие формулы уже приводятся. Но до настоящего времени в диалектной лексикографии всё ещё нет специального словаря, отражающего систему благопожеланий, сложившихся в народной речи одного конкретного региона.

Предполагается, что наш словарь будет состоять из двух частей – тематической и алфавитной. Содержание тематической части определено перечнем прагматических ситуаций, породивших те или иные благопожелания:

ситуацией полоскания белья, сбивания масла, кладки печи, зевания, чихания и др. Алфавитная часть словаря призвана характеризовать каждую формулу как лингвистическую единицу.

Словарь диалектных благопожеланий должен быть максимально информативным. Информативность достигается посредством использования развёрнутых, ввиду их этнокультурной специфичности, толкований, цитирования зафиксированных в полевых условиях микросюжетов, в показе варьирования формул, в системе перекрёстных отсылок при каждом знаменательном слове и др.

Сосредоточение подобных формул в компактном специальном словаре будет, как представляется, способствовать сохранению в народной памяти знаний об особенностях культуры русского народа и реализации лингвокультурного и этнопедагогического потенциала его фразеологии.

*Г.А. Иванова
Вятский государственный
гуманитарный университет
(г. Киров)*

К ПРОБЛЕМЕ НОРМЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ

Вопрос о терминологической норме и терминологической нормативности остается открытым, несмотря на обширную литературу, посвященную проблеме упорядочения и нормализации терминологии.

В специальных работах терминологическая нормативность рассматривается прежде всего в практическом аспекте, но практические рекомендации в области терминообразования и терминопотребления, безусловно, должны опираться на определенную теоретическую концепцию - необходимо научное обоснование нормативности терминов.

Научный подход к нормативной оценке терминов приобрел особую актуальность в связи с нарастанием в терминологии синонимичных и вариантных форм. Он предполагает разработку таких теоретических вопросов, как: 1) сущность термина как языкового знака и свойства термина; 2) место терминологии в системе современного национального языка, ее лингвистический статус; 3) основные тенденции развития и образования терминологии.

Традиционно к термину предъявлялись определенные нормативные требования: точность, краткость, однозначность, системность, отсутствие синонимии, полисемии, экспрессивно-эмоциональной оценки и др. С развитием теории термина круг их варьировался и уточнялся. В то же время учеными-терминологами отмечалась противоречивость этого нормативного комплекса и его невыполнимость для реальных терминов, функционирующих в научной

речи или специальной литературе. Сформулированные терминологами нормативные требования впоследствии стали рассматриваться как некие «идеальные» черты термина.

В свете новых лингвистических направлений (коммуникативно-прагматического и когнитивного), а также новых лингвистических теорий отношение к качеству термина требует пересмотра. Термин должен быть ориентирован на удовлетворение коммуникативных потребностей — потребностей своей профессиональной среды, потребностей научного мышления; термин должен быть оптимальным средством отражения и хранения специальной информации о мире. Поэтому список нормативных требований в последнее время расширяется: к указанным сущностным свойствам термина добавились также новые, прагматические, требования, обеспечивающие его функциональную эффективность, интернациональность, благозвучность, внедренность, интеллектуальность, современность, информативность.

Развитие отечественной терминографии убеждает в том, что норма в терминологии является более сложным и многогранным по своему характеру явлением в сравнении с нормой общелитературного языка. Терминологическая норма учитывает как собственно языковые особенности термина-слова (собственно лингвистическая нормативность, т.е. правильность образования и правильность употребления терминов), так и специфику терминов как знаков специальных понятий (содержательная и логическая нормативность).

Специалисты в области терминологии приходят к выводу о существовании особой нормы, точнее — профессионального варианта нормы, как «более гибкого критерия оценки терминов» (В.П. Даниленко, Л.И. Скворцов). Поскольку каждая терминология достаточно автономна и у нее свой исторический путь развития, терминологические нормы могут не совпадать с общелитературными. Допустимость специфических форм в сфере терминологии признают также В.М. Лейчик и С.Д. Шелов, отмечая в решении проблемы терминологической нормы общее движение в сторону «либерализации».

Основная причина расхождения литературной и профессиональной нормы — это тенденция профессионального языка к обособлению, к индивидуализации, к специализации языковых средств.

Очевидно, что в отношении терминологии следует осуществлять нормализаторскую практику, фиксирующую факты расхождения литературной и терминологической нормы. В противном случае употребление специфических форм терминов, выполняющих функцию своеобразных маркеров специальных языков, останется без внимания и соответствующей научной интерпретации.

Вопрос о норме и нормативности терминов является актуальным не только для технических, но и для гуманитарных дисциплин (по причине бурного развития последних), в частности для лингвистики, метаязык которой изобилует синонимичными и вариантными формами.

Лингвистическая терминология может быть подвергнута упорядочению и нормализации. И хотя достаточного опыта создания упорядоченных терминологий гуманитарных дисциплин к настоящему времени не накоплено, существующая лексикографическая практика описания лингвистических терминов, а также специальное изучение синонимичных и вариантных единиц дает основания считать задачу унификации и нормализации лингвистической терминологии вполне осуществимой.

*В.Н. Калиновская
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)*

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ XIX в.:
МАТЕРИАЛЫ СЛОВНИКА «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX в.»
В СОПОСТАВЛЕНИИ СО «СЛОВАРЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА»
ПОД РЕД. Я.К. ГРОТА¹**

Слово как материал словесности на протяжении всего XIX века оказывалось в центре внимания и языковедов, и литераторов (очень часто совмещавшихся в одной личности). Этот интерес был обусловлен процессом формирования русского литературного языка. Интерес к слову как инструменту познания и отражения действительности становится тем фундаментом, на котором отрабатываются научные идеи и формируются научные школы и направления.

Безусловно, важнейшим направлением этой деятельности была работа по составлению академических словарей. Выдающимися русскими филологами и лингвистами, к числу которых принадлежит и Я.К. Грот, словарная работа рассматривалась как актуальная задача накопления и сохранения национального достояния, каким является русское слово. После осознания своеобразия старославянского языка на фоне русского (А.Х. Востоков), открытия словесных богатств «живого великорусского языка» (В.И. Даль) к концу века стало возможным составление словаря тезаурусного типа — «Словаря русского языка» Грота–Шахматова, основанного уже на литературных текстах разного характера. В ряду словарей русского языка XIX века академический словарь, вышедший под редакцией Грота, выделяется особо — в плане его значимости для современного исторического «Словаря русского языка XIX века», ориентированного на динамику нормы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-04-00056а «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.».

Лексические новообразования составляют значительную часть словаря разрабатываемого словаря. Собранный на основе дифференциального принципа фактический материал позволяет исследовать важнейшие словообразовательные тенденции в русском языке XIX века, среди которых можно выделить формирование новых и заполнение старых словообразовательных гнезд, образование по одному типу рядов слов — на основе аналогии. Сопоставление полученных данных с материалами Словаря Грота помогает установить вектор и конечный результат динамических изменений лексико-семантической системы русского языка в конкретный период его существования, доказывает закономерность «случайных», на первый взгляд, проявлений общей тенденции, свидетельствующих (по В. Гумбольдту) о «вечном творчестве языка». Можно видеть, что нормализаторские устремления автора, касающиеся формы слова (например, выбор инварианта) или закреплении права на то или иное словоупотребление (новое слово, значение, оттенок), основываются на осознании понятийных категорий как системообразующих единств лексического материала, эмпирически явленного в разнородных текстах.

*Н.В. Козловская
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)*

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Доклад посвящен проблеме лексикографического описания терминологии русского религиозно-философского текста.

Традиция отечественной авторской лексикографии, которая в последние годы развивается очень динамично, вбирает в себя наследие Я.К. Грота, который в фундаментальном труде "Жизнь Державина по его сочинениям и письмам..." представил первый опыт словарного описания языка писателя (разделы "Язык Державина" и "Словарь к стихотворениям Державина").

Лексика русского религиозно-философского текста – интересный, но очень неоднородный и сложный материал потенциального словарного описания. В "Филологических разысканиях" Я.К. Грот приводит Программу словаря братьев Grimm ("К соображению будущих составителей русского словаря"), в которой, в частности, говорится: "Философам, которые понимают точную связь между представлениями и словами, должно бы быть сродно углубляться в тайны языка, но их превосходство развивается более изнутри и так много зависит от особенностей собственной природы каждого, что они мало обращают внимания на общеупотребительный язык..." [1: 163].

Зависимость языка философа от "особенностей природы" проявляется, в частности, в появлении авторских философских терминов (*беспочвенность* и *почва* Л. Шестова, *аритмология* и *пневмосфера* П.А. Флоренского, *этость* и *самость* С. Франка) и в различном смысловом наполнении традиционных философских понятий: *истина*, *свобода*, *душа* и др.

Такие единицы должны стать объектом лексикографического описания сводного дифференциального словаря русской философской лексики. Источниками словаря являются тексты русских мыслителей, творчество которых тесно связано с религиозным мировоззрением: К.Н. Леонтьев, Вл. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Л. Шестов, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк.

Слова, актуализирующие связь с произведениями русских философов, часто оказываются "за пределами словарей" – лингвистических и философских. Так, например, лексема *всемство*, имеющая статус авторского образования Ф.М. Достоевского, не отражена в толковых и философских словарях. В Большой словарной картотеке ИЛИ РАН есть одна карточка на это слово (цитата из критической статьи о Достоевском). Слово отражено только в Статистическом словаре языка Достоевского.

Между тем *всемство* – один из важнейших компонентов терминосистемы Л. Шестова, который, заимствовав это понятие у Ф. Достоевского, значительно его углубил и расширил. Если у Ф. Достоевского *всемство* встречается один раз в "Записках из подполья", то у Л. Шестова, по данным Национального корпуса русского языка [2], показатель частоты возрастает до 47 раз. Ср., например, «На весах Иова» (1929), «Афины и Иерусалим» (1938), «Николай Бердяев: Гнозис и экзистенциальная философия» (1938).

Смысловое наполнение термина *всемство* у Достоевского и Шестова соотносимо с одним из основных понятий экзистенциализма, выраженным неопределенно-личным местоимением *тап*: это такой способ существования личности, когда она мыслит, чувствует и поступает "как все", не избирая в каждой ситуации своего подлинного пути.

Анализ слова *всемство* показал, что, помимо классических лексикографических зон (частота употребления, толкование, иллюстрация), словарь языка русских философов должен включать комментарий составителя, проясняющий связь предмета лексикографирования с античной и западной философией, Библией, богословскими текстами, творчеством русских и зарубежных писателей.

Поскольку многие философы — и в частности Шестов — не дают определения понятий, в задачу лексикографа входит составление толкования и подбор цитаты, наиболее полно отражающей семантический облик слова.

Наиболее близки к дефиниции понятия *всемство* у Шестова следующие цитаты: «... *то, что Достоевский называл «всемством», т. е. всеми признанные суждения»*; «*И точно, Аристотель был гением и несравненным певцом «всемства», т. е. середины и посредственности*» [3: 45].

Дефиниция термина может быть представлена синонимическим способом — через перечисление текстовых синонимов и аналогов *всемства*, которые составляют ядро значения слова: *всемство* — это обычное сознание, сознание вообще, законы рассудка и совокупность «очевидностей», середина и посредственность, равновесие душевное, состояние равновесия, удовлетворенности.

Кроме того, словарная статья должна включать зону метафор, которые являются яркой чертой русского религиозно-философского текста и служат для более объемной, выразительной характеристики основных понятий (характеристика *всемства*: *тупая, серая, зевающая, удушающая прочность «несомненного» сна, золотая середина, меловая черта*).

Лексикографическое описание философской терминологии необходимо не только для дальнейшего исследования произведений русских мыслителей, но и для уточнения лингвистического понятия «философский термин».

Литература

1. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам описанная Я. Гротом. — Т. II. — СПб., 1883.
2. Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorpora.ru/>
3. *Шестов Л.* На весах Иова. — М., 2010.

Н.А. Козулина
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА *вампир-вурдалак-упырь-дракула* И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Взросший в последнее десятилетие интерес к вампирской тематике связан как с литературой и кинематографом, так и с распространением молодежной готической субкультуры и тематическими интернет-ресурсами (сайтами и компьютерными играми).

Отправной точкой нашего обзора стал такой синонимический ряд, как *вампир*, *упырь* и *вурдалак*, но эти номинации успели образовать словообразовательные гнезда, новые значения и устойчивые сочетания. Некоторые из них представлены в словарях новых слов. К нашему синонимическому ряду примыкает и собственное имя Дракула, ставшее нарицательным и также образовавшее небольшое словообразовательное

гнездо. Есть и отдельные дериваты, обязанные своим появлением художественной литературе и кинематографу.

В 90-е годы в связи с повышенным интересом к парапсихологии происходит расширение значения некоторых номинаций, образованных от слова *вампир*. К прежним значениям номинации и ее производным добавились другие, которые вошли в десятилетник «Новые слова и значения» 90-х. Одно из этих значений – «человек, поглощающий биоэнергию, жизненные силы других людей». Слово *вампир* в новом значении породило такое образование, как *биовампир*, употребляется оно также в сочетании *энергетический вампир*. Приведенные выше номинации и сочетание могут обозначать не только человека, но и животное, и дерево, и неодушевленный предмет. Расширение семантики коснулось и слова *вампиризм*, которое приобрело значение «поглощение энергии других людей \ \ корыстное использование кем-л. чужих достижений». Слово *вампир* в своем новом значении «тот, кто поглощает биоэнергию, жизненные силы других людей» образовало словообразовательное гнездо: *вампирить*, *вампириха*, *вампириствовать* и др. Наряду с рассмотренными выше номинациями и новыми значениями, появилось немало новых образований от слова *вампир* в его прямом значении: *вампир-браконьер*, *вампириборческий*. Расширилось словообразовательное гнездо, состоящее из слов, обозначающих вампира женского рода: *вампириша*, *вампирика*. Представлены образования с уменьшительными суффиксами: *вампириенок*, *вампириеныш*, *вампиричик*.

Семантика такой номинации, как *упырь* не отличается разнообразием и обычно не выходит за пределы ее прямого значения: «оборотень, мертвец, выходящий ночью из могилы и сосущий кровь людей; вампир, вурдалак». Тем не менее широко представлены суффиксальные образования от номинации *упырь*: *упырица*, *упыриенок*, *упырюга* и др.

В случае со словом *вурдалак* семантических новообразований не наблюдается. Что же касается словообразовательного гнезда, то оно не отличается разнообразием. Среди существительных можно отметить номинации женского рода *вурдалакша*, *вурдалачица*, *вурдалачка*; прилагательное *вурдалачий*, аппозитивное сочетание *новичок-вурдалак*. В переносном значении зафиксирован глагол *вурдалачить*.

Собственное имя *Дракула*, перешедшее в разряд нарицательных имен, также породило словообразовательное гнездо, причем, в это гнездо входят не только производные, имеющие непосредственное отношение к личности графа Дракулы (*дракуленыш*, *дракуловедение*, *дракуломания*), но и существительные, значения которых напрямую не связаны с вампиризмом, но, безусловно, образованы от имени трансильванского вампира: *дракулин*, *дракулина*.

Ввиду интереса к «вампирической теме» с 90-х годов среди ее любителей и соответствующих компьютерных игр распространился термин *носферату*, хотя слово это известно еще с 20-х гг. XX века, когда в 1922 году на экраны был выпущен немой фильм немецкого кинорежиссёра Фридриха Вильгельма Мурнау «Носферату: симфония ужаса», снятый в 1921 году по роману Брэма Стокера «Дракула».

Представленный материал дает возможность проследить появление новых производных лексико-семантической группы *вампир–упырь–вурдалак–дракула* в связи с возросшим за последние 20 лет интересом к данной тематике не без влияния художественной литературы, кинематографа и интернета.

Е.В. Колосько
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Составители «Словаря русских народных говоров» нередко сталкиваются с заимствованными словами, постепенно проникшими в диалектную речь из языка образованных слоев населения России: чиновников, купцов, землевладельцев, городских жителей, учителей, армейских командиров. Благодаря нововведениям в быту, изменениям в государственном устройстве, в армии, развитию культуры многие заимствованные наименования сразу завоевывали прочные позиции в лексиконе диалектоносителей. Но далеко не все появившиеся в русском языке заимствования получили статус широко употребляемых слов. Так, немецкие заимствованные наименования блюд (*бутерброд, клецки, фарш*) не получили распространение в речи диалектоносителей. Остались неиспользованными слова *анилаг, вундеркинд* и др. Отмеченные собирателями в XIX и XX вв. слова относятся к профессиональной лексике (причем, главным образом, к плотницкому делу) и к военной лексике. Единичные заимствования представляют собой наименования материй (фланель), птиц (фазан), растений (фиалка).

В данном докладе рассматриваются слова на букву Ф, пришедшие в русские народные говоры из немецкого языка прямо (*фельдшер*) или косвенно через польский язык (*форточка*), а также появившиеся в русских диалектах не из литературного языка, а из блатного арго. Так, на примере семантического и словообразовательного развития слова *фарт* можно убедиться в том, что не только через литературный нормированный язык заимствования могут проникать в систему принимающего языка.

Освоение заимствованных слов происходило почти одновременно во всех диалектных подсистемах и осложнялось фонетической вариативностью. Инородное слово имело в разных говорах, а иногда и в одном говоре несколько фонематических и морфологических вариантов (*фланель – фланела, фанель; фельдшер – фершал, фершан, фершай, фершел, фершало*). Употребление заимствованных из немецкого языка слов не часто сопровождалось появлением новых производных значений (Например, *файка* – "курительная трубка", южн.

(Даль). Через польск. fajka из нем. Pfeife "трубка, дудка" в забайкальских говорах – самодельная свистулька). Случаи эмоционально-оценочного словоупотребления заимствованных немецких слов единичны по сравнению с польскими и французскими заимствованиями (например, слова *фармазон*, *франт* в русских говорах имеют большое количество значений). Слова из немецкого языка с самого начала отличались четкостью понятия и получали коннотацию «важность обозначаемого предмета».

В докладе приводятся фонематические варианты наиболее широко распространенных в говорах заимствованных слов, анализируются процессы развития семантики этих слов. На примерах образования дериватов можно убедиться в применении диалектоносителями словообразовательных моделей, позволяющих ввести иноязычные слова в состав лексико-семантических групп русского языка. Более подробно рассматриваются слова *фатера* и *фарт*. Эти слова образовали обширные гнезда производных слов, сохранивших в составе своих значений определенные коннотативные элементы, которые и позволили заимствованному слову получить распространение в большом количестве говоров и продолжать использоваться длительное время в народном языке.

Л.Я. Костючук

Псковский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Я.К. ГРОТА — РАЗВИТИЕ И СОЗДАНИЕ РЯДА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

В филологических направлениях XX–XXI вв. проявляется «содружество гуманитарных дисциплин» (С.С. Аверинцев). Эта тенденция прослеживается и в общей отрасли науки, и в частных ее направлениях: *основы филологии* дают общее представление о новейшей филологии; *основы ортологии* характеризуют обобщенную науку о нормах языка на каждом языковом уровне при толерантном отношении к вариантам в пределах нормы.

История лингвистической мысли, в частности отечественной, помогает многое понять в новейших направлениях и не позволяет забыть достижения прошлого. 200-летний юбилей Я.К. Грота помог по-новому осмыслить его выдающиеся достижения, прежде всего касающиеся русской филологии. Все, что делал Я.К. Грот, было глубоко им исследовано, представало как новаторское. Не случайно С. Венгеров отмечал, что Я.К. Грот создавал «“гrotовский” тип» подхода к соответствующей проблеме. Назовем некоторые области его деятельности [1: 778].

1) Издание произведений классиков с «тщательным установлением текста» и с «богатством историко-литературного комментария» (например, издание произведений Г.Р. Державина). В этом проявляется внимание к тексту

как одному из объектов филологии и работа над пониманием текста, что свойственно современной науке герменевтике.

2) В течение длительного времени познание норм письменной русской речи убедило Я.К. Грота в необходимости учитывать и фонетику, и орфоэпию, и грамматику, и правописание с опорой на теоретическую разработку основ культуры речи. Произведения «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (теоретическое), «Русское правописание» (практическое руководство) и до сих пор являются образцом многоаспектного научного подхода к проблемам правописания и способны показать, как необходимо решать теоретические и практические проблемы при систематизации правил нормативного написания. Не случайно в середине XX в. решение создать орфоэпический словарь родилось при интенсивной работе над реформой орфографии.

3) Уникальный лексикографический труд по созданию академического «Словаря русского языка» (Я.К. Грот успел обработать три выпуска на буквы «А—Д») объединял разные сведения о словах при разных подходах к лексическому уровню языка: лексико-семантические, этимологические, этнографические, идиоматические, функционально-стилистические и пр. Высокую оценку этому произведению дал В.В. Виноградов в статье «Толковые словари русского языка»: «составленная им [Я.К. Гротом. — Л.К.] часть академического словаря <...> является до сих пор непревзойденным образцом (выше по качеству лишь выпуск на И до слова *идеализироваться*, обработанный Щербой)» [2: 383]. По смелости принятия решения, в частности в выборе объекта лексикографии, Я.К. Грота напоминает Б.А. Ларин, обосновавший идею «Псковского областного словаря с историческими данными».

Литература

1. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — Т. IX^a. — СПб., 1893.
2. Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Язык газеты. — М.–Л., 1941.

**ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ
БОЛЬШОЙ СЛОВАРНОЙ КАРТОТЕКИ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН¹**

1. В ноябре 2012 года Большой словарной картотеке русского языка, хранящейся в Институте лингвистических исследований РАН, исполняется 126 лет. Датой ее основания традиционно считается 1886 год, когда Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук приступило к работе над «Словарем русского языка» и поручило эту работу акад. Я.К. Гроту, в течение многих лет изучавшему опыт отечественной и мировой лексикографии (см., например, его обзорную работу «К соображению будущих составителей русского словаря»).

В XIX–XX вв. история Картотеки неразрывно связана с созданием академических словарей русского языка: «Словаря русского языка» под ред. Я.К. Грота и А.А. Шахматова, «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах, «Словаря русского языка» в 4-х томах, «Словаря синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой.

2. В настоящее время Картотека насчитывает более 7 миллионов карточек-цитат и непрерывно пополняется новыми источниками. К материалам Картотеки обращаются составители «Большого академического словаря русского языка» в 30-ти томах, «Словаря русских народных говоров» и «Словаря русского языка XIX века», работа над которыми сегодня ведется в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

3. Будущее практической лексикографии, несомненно, связано с использованием компьютерных технологий. Это касается и такого аспекта лексикографической деятельности, как поиск, хранение и систематизация материала. В этой связи основной вопрос, стоящий сегодня перед составителями словарей, можно сформулировать следующим образом: сохраняют ли и сегодня свое значение традиционные принципы организации картотек и должны ли именно они быть реализованы в компьютерном виде?

Актуальность этому вопросу придает еще и то обстоятельство, что в современной науке получило широкое распространение особое направление — корпусная лингвистика, занимающаяся созданием лингвистических баз данных — так называемых корпусов, которые так же, как и картотеки, являются ценными источниками по истории словарного состава языка. При этом, как показывает практика, корпуса обладают некоторыми свойствами, затрудняющими их использование в процессе составления словарей.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ №12-01-00481-а.

Напомним, что корпус — это электронная библиотека текстов, снабженная функцией внутреннего поиска, словарная картотека — это результат работы квалифицированных филологов по поиску ценного, с точки зрения исследователя, языкового материала. Очевидное преимущество корпуса — полнота содержащегося в нем текстового материала — в процессе составления словаря может обернуться существенным недостатком: при большом количестве примеров на употребление того или иного слова работа по отбору материала перекладывается на плечи составителя. И чем больше материала представлено в корпусе, тем больше времени может быть затрачено на чтение обнаруженных в нем примеров. Вторым существенным недостатком корпусов как возможных источников лексикографической практики является отсутствие в них алфавитного словоуказателя. Известно, что в картотеке материалы расставлены по алфавиту, и словник словаря во многом повторяет содержание картотечных разделителей, в корпусе же присутствует только функция поиска. Но искать можно только то, о чем знаешь, и это значит, что для успешной работы составителя словаря должны иметь под рукой заранее составленный список слов.

Таким образом, словарная картотека — это особый тип базы данных, принципы организации которой выработаны десятилетиями лексикографической практики, и именно эти принципы, как представляется, могут быть учтены в процессе создания как электронных словарных картотек, так и, возможно, специализированных лексикографических корпусов.

С.Д. Левина
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)

НОВОЕ В СЕМАНТИКЕ И СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВА *СИНДРОМ* В 1990-Е ГГ. (на материале прессы)

Слово *синдром* очень востребовано прессой 1990-х гг. и в основном значении ‘комплекс симптомов, вызванных одной причиной’, и в переносном, новом значении ‘комплекс характерных общественных или субъективных психологических реакций, вызванных общей причиной’.

Слово почти всегда встречается в атрибутивных словосочетаниях (*синдром какой, чего*). Терминологичность, целостность семантики, появление дополнительного компонента значения, отсутствующего в семантике входящих в него слов, позволяют считать многие из них устойчивыми. В прессе 1990-х гг. выявлено более 20 новых устойчивых словосочетаний со словом *синдром* в 1-м значении и более 30 – во 2-м, калькированных и возникших на русской почве.

В 1-м значении слово употребляется в основном в официальных терминологических наименованиях. В них входят слова, называющие симптомы, причины заболевания, фамилия врача, описавшего синдром, имя какого-либо известного лица, вымышленного персонажа. Но в профессиональном языке медиков есть и нетерминологические наименования со словом *синдром*. Они и составляют большинство новых устойчивых словосочетаний в 1-м значении и называют в основном новые «болезни цивилизации». Новая модель таких наименований включает прилагательные, образованные от географического названия, и обычно обозначает медико-социальные последствия событий, случившихся в каком-либо регионе.

Во 2-м значении слово, по-видимому, появилось в русском языке в конце 1970-х гг. в калькированном с английского выражении *вьетнамский синдром*, но именно в 1990-е гг. оно стало характерным для языка прессы, обозначив многие общественные недуги того времени.

Нетерминологичность 2-го значения слова определила широкую синонимию и антонимию многих устойчивых словосочетаний и большее лексическое разнообразие по сравнению с 1-м значением. Распространители в таких словосочетаниях могут быть практически любыми, но преобладают словосочетания с географическими наименованиями, именами политиков и бизнесменов, вымышленных персонажей или производными от них, названиями исторических событий и периодов.

Слово *синдром* в словосочетании указывает на возможность повторения обозначаемой ситуации, ее закономерность. Но для обоих его значений характерна случайность, ситуативность зависимого компонента. Особенность семантики имен собственных и производных от них в таких сочетаниях – их ассоциация с конкретным обстоятельством, связанным с географическим объектом или лицом. Если такое обстоятельство не одно, словосочетание многозначно.

При описании новых устойчивых словосочетаний со словом *синдром* составитель словаря-десятилетия оказывается в сложной ситуации. С одной стороны, они ярко характеризуют эпоху, показывают изменения в семантике слова, с другой стороны, такой объем материала вызывает появление многостраничных лексикографических «монстров», увеличивающих объем словаря и затрудняющих чтение. Думается, нужны четкие количественные критерии отбора материала, большая дифференциация типов таких словосочетаний в словаре.

РАЗВИТИЕ ПОЛИСЕМИИ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1. Одна из особенностей современного лексического заимствования заключается в том, что язык-источник преимущественно один (американский английский). Такое доминирование оказывает сильнейшее влияние на **характер адаптации** заимствуемых слов. Русский язык всё чаще принимает какое-либо конкретное слово не как отдельное, единичное слово, а как член какой-либо готовой парадигмы, микросистемы: словообразовательной (*бренд, брендинг, ребрендинг*) или лексической (*бизнесвумен – бизнес-леди, тренинг – тренаж* и т.п.). Таким образом, заимствование по своим чертам сближается со словообразованием: язык и в том случае, когда действует механизм словопроизводства, и в процессе заимствования получает мотивированные единицы, а значит, заимствование слов, поступающих в язык из одного источника, всё более становится системным. Об этом свидетельствует и тот факт, что среди новых заимствований формируются группы идентичных по структуре лексем, освоение которых проходит по одинаковым или похожим «сценариям».

2. В докладе мы рассмотрим одну из таких групп – имена существительные, восходящие к английским словам на *-ing*. Число таких англицизмов в русском языке увеличилось к началу XXI в. более чем в 5 раз. Произошли изменения и в их освоении: «инговые» существительные (ИС) стали более последовательно русифицироваться с точки зрения числового противопоставления (ср.: в конце 90-х гг. XX в. ИС относили к существительным с дефектной парадигмой склонения). Формы множественного числа регулярны в современных текстах для подавляющего большинства ИС, в том числе для отвлечённых существительных. Ряд ИС употребляется в речи преимущественно в форме мн. ч.: *тренинги* (о спортивной обуви), *карвинги* (вид лыж) и др.

3. При употреблении отвлечённого существительного в форме мн. ч. происходит семантический сдвиг, отличающий данную форму от формы ед. ч. В плюральной форме отвлечённое ИС может обозначать конкретные (поддающиеся счёту) проявления действия (*Запомнились субботние **шопинги***); разновидности действия (*мобильный и интернет **банкинги***); действие как мероприятие (*семинары-скаути**нги***) или услуга (*Компания сообщила об открытии новых **роумингов***).

4. Включение отвлечённых ИС в традиционное грамматическое противопоставление по числу происходит благодаря устойчиво действующим в языке метонимическим моделям, по которым обычно развивается полисемия. Причём при развитии полисемии новое, конкретное значение реализуется не

только при употреблении словоформы мн. ч., но и **при употреблении формы ед. ч.** Новое значение ИС либо остаётся в пределах категориального значения действия (см. п. 3), либо категориально меняет первоначальную семантику (ИС приобретает предметное значение: *Все боулинги Москвы и Петербурга; Купить пирсинг* и т.п.).

5. В лексикографической практике важно отслеживать отношение ИС к числу, так как формы мн. ч. могут выявить семантические сдвиги и развитие полисемии.

*Л.С. Мингазова
Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Я.К. ГРОТ — ПЕРВЫЙ СОСТАВИТЕЛЬ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Начало ХХI в. ознаменовалось активным развитием отечественной авторской лингвографии. В связи с этим нельзя не вспомнить о выдающемся филологе, лексикографе Я.К. Гроде – человеке, стоявшем у истоков русской авторской лингвографии.

В научной биографии Я.К. Грота особое место занимает изучение жизни и творчества поэта Г.Р. Державина. Интерес к Г.Р. Державину проявился еще в 1845 г., тогда ученый публикует материалы к биографии поэта. В 1859 г. Я.К. Грот составляет план академического издания сочинений Державина. С 1864 по 1883 г. издается 9 томов сочинений Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я.К. Грота.

В 1883 году в Петербурге в составе работы Я.К. Грота "Язык Державина" был издан "Словарь к произведениям Державина". Работа представляет собой одну из первых попыток создания словаря языка русского писателя. В I части Я.К. Грот анализирует язык Державина, выводит общие принципы, теоретические положения и установки относительно составления словаря языка писателя, во II части представлен словарь.

Цель словаря, как считает Я.К. Грот, должна состоять в том, чтобы "такой частный труд мог служить материалом для истории общеупотребительного языка, для общего словаря его и грамматики" [1: 335].

Но в то же время ученый подходит избирательно к формированию словника словаря, так как, по Я.К. Гроту, "изучение языка какого-нибудь писателя должно иметь предметом знание особенностей, с которыми является у него язык" [1: 335]. Ученый акцентирует внимание на индивидуально-авторском словоупотреблении и отбирает в словарь слова "отличные от обыкновенного значения" [1: 335]. В словаре описано около 1750 слов, взятых из первых двух томов собрания сочинений Г.Р. Державина. Словарь отражает небольшую часть лексики и поэтому представляет собой дифференцированный конкорданс, в котором к каждому слову приводится контекст с адресацией.

Слова расположены в алфавитном порядке и лемматизированы. В некоторых случаях объясняются значения слов, особое внимание уделяется авторскому значению слова в контексте. Омонимия и многозначность не различаются, могут разграничиваться отдельные значения данных слов (указывается частеречная принадлежность). Изредка служебные слова и местоимения в качестве дефиниции получают морфологическую характеристику.

Многогранность интересов, энциклопедичность знаний позволили Я.К. Гроту создать уникальный для своего времени труд. Несмотря на дифференцированность словника и иллюстраций, неоднородность представленных параметров, данная работа имеет большую практическую ценность и научную значимость в истории отечественной лингвографии. По сути, Я.К. Грот составил первый авторский справочник и впервые в России разработал такой жанр авторского словаря, как конкорданс, тем самым предвосхитив развитие лингвографических идей XX–XXI веков.

На сегодняшний день в стенах Казанского федерального университета ведется работа по созданию Державинского словарного фонда, составляются словари инвентаризирующего типа (конкордансы, индексы, словари рифм) к произведениям Г.Р. Державина. Лингвографические проблемы, поднятые академиком Я.К. Гротом 130 лет назад, актуальны и по сей день.

Литература

1. *Грот Я.К. Язык Державина // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.Грота. — Т. IX. — СПб., 1883. — С. 333–444.*

*С.А. Мызников
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)*

ВКЛАД Я.К. ГРОТА В ИЗУЧЕНИЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

При всей многогранности научной деятельности Я.К. Грота, его исследовательское внимание к прибалтийско-финским языкам, также весьма многоаспектное, не получило еще должной оценки. В 1840 г. Грот был назначен профессором вновь учрежденной при Гельсингфорском университете кафедры русского языка и словесности, что и определило в дальнейшем его интерес к финскому языку. Я.К. Грот знакомил русское общество с литературой, историей и природой Швеции и Финляндии. В 1846 и 1847 годах он, в сопровождении собирателя финского эпоса Э. Ленрота,

совершает поездку от Ладожского озера до реки Торнео, которая описана в книге: «Переезды по Финляндии» [1].

Я.К. Грот был одним из первых, кто понял, какое большое значение имеет изучение финского языка, родственного многим другим языкам финноугорской группы, носители которых проживают в России. Он оценивает финский язык не только как лингвист, но и как филолог: «Язык финский составляет для филолога явление драгоценное и в некотором смысле единственное. На нем есть богатая народная поэзия. Все эти духовные сокровища финнов только в новейшее время начали быть оцениваемы надлежащим образом... Финский язык чрезвычайно труден для всякого иноплеменника, даже для русского. В нем столько особенностей, которые сначала и понять трудно. Сюда относится, между прочим, склонение известных частиц, которые, заменяя предлоги, ставятся после существительных для выражения разных отношений» [1]. Отмечает Я.К. Грот и специфику финских диалектов: «Не легче и финское произношение, которого тонкости долго остаются неуловимыми для иноземного уха... Не говорю уж об областных различиях, вследствие которых например вместо *d* встречается в одной области *l*, в другой *r*, в третьей *t*; в четвертой согласная совсем пропадает» [2: 367].

В тексте «Путевых записок» он анализирует этимологию различных топонимов, например: *Käkisalmi* – пролив кукушки, причем шведское название *Kexholm*, по мнению Я.К. Грота заимствовано из финского языка. В русских летописях – Корела, ныне Приозерск. Впервые предлагая анализ названия г. Сортавала, Грот совершенно справедливо указывает, что «касается до названия *Sortta* – *Sordavala*, то оно едва ли не происходит от финского причастия *sortava* – рассекающий; действительно, губа, о которой идет речь, вдается в твердую землю. Такой же залив и при Сердоболе. Окончание – *la* (в *Sordavala*) означает понятие места [2: 346].

В «Путевых записках» представлен также анализ единиц прибалтийско-финского происхождения. **Тайма**: – «Ловля лососины и сходной с нею таймы составляет принадлежность казны и отдается на откуп крестьянам. Она проводится посредством заколов (забоев); собираясь вынимать рыбу из загородок, ее наперед убивают сквозь круглое отверстие ударами багра и потом почти всю солят в запас» [1]. При более поздних данных: **Та'ймень** 'форель, *Salmo trutta*' Олон. **Таймень** 'рыба *Salmo trutta* L.' Онеж. оз. **Таймин, тамешка** 'вид лосося' Прибалтийск. **Тальмень** Верхотур. Перм. губ., Сиб. Ср. также фин. *taimen*, род. п. *taimenen* 'форель', эст. *taim*, род. п. *taime*.

Впервые Я.К. Грот увидел в русских говорах результаты грамматического влияния прибалтийско-финского континуума, что в современной терминологии принято называть семантическими кальками. Анализируя материалы «Опыта областного великорусского словаря», он пишет: «Здесь место упомянуть об одном речении Областного словаря, которое поражает финским образованием своим, хотя по корню оно и русское, именно о наречии в сравнительной степени: **бережнее**. Его едва ли можно выводить из какого-нибудь прилагательного: в сравнительной степени возведено тут существительное берег, в чем удостоверяет финское *rannemalla*

(первоначально – *rantama-lla*), образованное от дательного падежа существительного имени *ranta* (берег)» (Я.К. Грот. Слова Областного словаря, сходные с финскими. 1852) [3]. В современных русских говорах также представлены подобные данные: **Берегова'тее** 'ближе к берегу (о движении речного судна, парохода)' Галич., Нейск. Костром. **Береже'** 'ближе к берегу' Северомор. (Тетрино, Териберка) Мурман. **Береже'** 'ближе к берегу': – *Береже поезжайте, не мористо*. Примор. (Лопшеньга) Арх. **Береже'е** 'то же': – *Бережее паром не идёт*. Примор. (Лопшеньга) Арх.

В работе «О финнах и их народной поэзии» дан разносторонний анализ «Калевалы», представлена картина жизни финского народа, отмечаются важные детали собирательской деятельности Э. Ленрота на Севере России: «Известно, что в Олонецкой и Архангельской губерниях значительную часть народонаселения составляют финны. Замечательно, что там преимущественно найдены Ленротом песни Калевалы. О тамошних финнах гениальный путешественник сообщает, между прочим, следующие подробности. Они исповедуют веру православную и называют себя русскими» [2: 124].

Еще одна сторона деятельности Я.К. Грота — создание реестра слов прибалтийско-финского происхождения: им впервые на научной основе была предложена этимология некоторых слов и словосочетаний. Например, слово **ламба** 'небольшое озеро' имеет первую фиксацию в Материалах Срезневского под 1391 г. [5, 2: 7]. Я.К. Грот соотносит анализируемое слово с фин. *lampi* 'небольшое озеро'.

Литература

1. *Грот Я.К.* Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнее. Путевые записки. — СПб, 1847.
2. *Грот Я.К.* Из скандинавского и финского мира // Труды Я.К. Грота. — Т. 1. — СПб, 1898.
3. *Грот Я.К.* Слова областного словаря, сходные с финскими // Я. Грот. Филологические изыскания. — СПб., 1876. — С. 470–474.
4. *Грот Я.К.* Областные великорусские слова финского происхождения // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. — СПб., 1854.
5. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — Тт. 1–3. — СПб., 1893–1912.

О «ЖЕЛАТЕЛЬНОМ ЕДИНООБРАЗИИ» В ПРАВОПИСАНИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ (ПО Я. К. ГРОТУ)

1. Поставленная Я.К. Гротом задача «привести русское правописание к желательному единообразию» была продиктована потребностями его времени. Но если необходимость упорядочивать письмо и сейчас вряд ли у кого-либо вызовет возражения, то ответ на вопрос, в чем состоит такое единообразие и как его достичь, не столь очевиден. Состоит ли оно в «исследовании законов языка» и выработке согласованного подхода к спорным орфографическим явлениям – или в условной регламентации написаний путем «штучной» словарной кодификации? В области иноязычий спорных явлений особенно много, и вопрос правописания заимствований сегодня так же актуален, как и столетие с лишним назад.

2. Причины орфографических колебаний Я.К. Грот видит в объективном существовании в языке «противоречащих начал», влияющих на формирование орфографического облика слова. Что такое «противоречащие начала» в области заимствований? По Гроту, они происходят от неодинакового понимания условий передачи иноязычных слов в русском языке. Поэтому наряду с собственно орфографическими ученый рассматривает в своих трудах и вопросы транскрипционной передачи заимствований как относящиеся к единому процессу их освоения. «Писать по звучанию» – единственный, по Гроту, разумный способ передачи чужих слов, что обусловлено своеобразием русской кириллической азбуки по отношению к западноевропейской латинице. В наше время антиномия транскрипции / транслитерации кажется решенной, однако и сейчас имеют место случаи применения побуквенной передачи у новых слов.

3. Среди проблем, выделяемых Я.К. Гротом при описании заимствований – употребление двойных согласных и буквы «э» (проблемы, остающиеся актуальными и в наши дни). Исходя из того, что «начертание не должно быть противно выговору», ученый предлагает ограничить употребление двойных букв, но не исключать их совсем. Им было замечено, что удвоение звука особенно явственно слышится после гласной с ударением. Что касается буквы «э», то в позиции после согласных Грот допускает ее употребление только в двух случаях: 1) в собственных именах и 2) в нарицательных «для избежания двусмыслия»; тем самым было положено начало списку исключений, начинающемуся со слов *мэр*, *пэр* и *сэр*, лингвистические основания для пополнения которого не разработаны по сей день.

4. «Неодинаким взглядом на предмет» может объясняться, по Гроту, «отступление от принятых начертаний», что следует принимать во внимание и

при изучении, и при обучении орфографии. Стремясь к единообразию, необходимо осознавать, что в языке существует много слов, которые могут быть написаны разными способами, поэтому «всякая сознательная причина имеет право на внимание». Последующая история русской орфографической кодификации отмечает отрицательное отношение к вариативности на письме, однако в ситуации нестабильности норм вновь встает вопрос о допустимом «разнообразии в правописании».

О.А. Никитина
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

ДВУЯЗЫЧНАЯ НЕОГРАФИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЛЕКСИКОГРАФИИ

(на примере проекта немецко-русского словаря неологизмов)

Неография как теория и практика составления одноязычных словарей неологизмов уже имеет международную традицию. В отечественной лексикографии это направление теоретически основала и практически разработала Н. З. Котелова. Почти одновременно в ряде стран во второй половине XX века появились сходные по концепции и объёму неологические словари. Однако для немецкого языка в этот период не было создано специального словаря неологизмов. Лишь во второй половине 90-х годов XX века в Институте немецкого языка (Мангейм, Германия) стартовал долгосрочный проект, целями которого стали научное изучение и лексикографическое описание новой лексики, вошедшей в общенародный немецкий язык с начала последнего десятилетия XX века до конца первого десятилетия XXI века. Данный проект нашел практическое воплощение в первом словаре неологизмов немецкого языка 90-х годов XX века¹ и в следующем за ним словаре неологизмов первого десятилетия XXI века².

Развитие одноязычной лексикографии неологизмов послужило импульсом для образования нового смежного направления – двуязычной неографии, которой еще только предстоит выработать свои научные принципы и методологию. В последние два десятилетия международная лексикография пополнилась несколькими специальными двуязычными словарями

¹ Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Unter Mitarbeit von Elke Tellenbach und Doris al-Wadi. – Berlin/New York: de Gruyter, 2004. – XXXIX/393 S

² Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz (2). Neologismen der Nullerjahre im Deutschen. – Tübingen: Gunter Narr Verlag (в печати).

неологизмов¹, появился ряд интересных теоретических работ в этой области. В 2008 году в рамках научного сотрудничества был инициирован международный проект немецко-русского словаря неологизмов. Формирование содержания этого словаря и принципов его построения потребовали практического рассмотрения и теоретического обоснования вопросов двуязычной неографии. Подготовленный в результате такой работы проект предлагается вниманию лексикографов и всех заинтересованных лиц.

В немецко-русском словаре неологизмов обобщаются результаты словарей неологизмов немецкого языка 90-х годов XX века и нулевых годов XXI века. Словарь базируется в части словника и во многом в плане концепции на словаре неологизмов немецкого языка, что позволяет при соблюдении научного подхода сократить время на его подготовку и сохранить актуальность на момент опубликования. Однако при работе над немецко-русским словарем неологизмов учитывались потребности читателей именно двуязычного словаря, что повлекло за собой некоторые изменения в построении словника и словарных статей. Специфика словарной статьи в двуязычном словаре неологизмов и аспекты описания словарных единиц подробно рассматриваются в докладе.

*М.Н. Приемьшева
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)*

О НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСНЫХ СЛОВАРЯХ Я.К. ГРОТА (из фондов ПФА РАН)²

Имя Якова Карловича Грота (1812–1893) в истории русской лингвистики занимает совершенно особое место. Его вклад в развитие русского языкознания бесценен, и трудно найти ученого в истории России, вклад которого в русскую филологию был бы столь же велик и значим, как вклад Я.К. Грота. Несмотря на то что его наследие достаточно хорошо изучено и его имя очень хорошо известно лингвистам, еще есть неизвестные или

¹ Улуханов И., Хебекер Х., Беленчиков В., Беленчикова Р. Русско-немецкий словарь новых слов / Под ред. Р. Беленчиковой, И. Улуханова. – М.: ООО «Издательский центр "Азбуковник"», 2007. – 667 с.; WorbsE., Markowski A., Meger A. Polnisch-deutsches Wörterbuch der Neologismen. Neuer polnischer Wortschatz nach 1989. Unter Mitarbeit von Radowski Pawelec und Ewa Rudnicka. Gesamtedaktion Erika Worbs. – Wiesbaden: Harrassowitz. 2007. – 320 S.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-04-00056а «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.»

малоизвестные страницы его научной деятельности, которые открываются при работе с архивом ученого, хранящимся в фондах Петербургского филиала Архива РАН, и позволяют еще более высоко оценить его вклад в развитие отечественной лингвистики.

К таким еще широко неизвестным научным фактам можно отнести тот, что Я.К. Грот работал над несколькими словарными справочниками по проблемам русского правописания. В ПФА РАН хранятся две рукописи ученого, посвященные «трудным вопросам» русской орфографии и представляющие значительную ценность по ряду причин. Это «Словарь русских слов, форм, изречений, которые еще не вполне установились или пишутся различно. Для сообщения всем мыслящим любителям родного языка. Практические ответы по разным вопросам русского языка и письма». (ПФА РАН. Ф.134. Оп.1. Ед.хр. 84. 16 л.) и «Словарь затруднений русского языка. Объяснение значений, орфография, управление, синонимика и проч.» (ПФА РАН. Ф.134. Оп.1. Ед. 83. 63 л.). В докладе делается краткий обзор содержания этих источников и проблем, решаемых автором.

Ждут своего исследователя «Материалы к Словарю глаголов», «Словарь для спряжения русских глаголов» (ПФА РАН. Ф.137. Оп.1. Ед.хр. 80. 188 л.) и «Список русских глаголов» (ПФА РАНФ. 137. Оп.1. Ед.хр. 82) — источники, существенно опережающие свое время по поставленным Я.К. Гротом задачам: описать весь массив русских глаголов (с характеристикой спряжений и видов) с целью теоретического осмысления самой сложной, по мнению ученого, части речи русского языка. Заметим, что аналогичные по принципам словари в отечественной лингвистике появились только в конце XX в.

*Е.В. Пурицкая
Санкт-Петербургский
государственный университет*

УЧЕБНЫЙ ДВУЯЗЫЧНЫЙ РУССКО-ТАЙВАНЬСКИЙ СЛОВАРЬ ПРАГМАТИКИ: ПРОЕКТ И ПРОБНЫЕ СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ

Иностранец, даже владеющий чужим языком в достаточной степени, чтобы знать основные, «словарные» смыслы слов, опираясь только на словарные дефиниции и указания на различные коннотации (если они есть в словаре в виде различных помет), зачастую не подозревает, что слово несет (или может нести) прагматическую информацию, о которой знает и которую воспринимает носитель этого языка и культуры. При этом словари — не только русские толковые словари, адресованные русскому человеку, но даже учебные двуязычные словари — обычно не указывают на особенности функционирования слова в различных коммуникативных ситуациях. Так, ни в одном толковом словаре термины родства не получают исчерпывающей характеристики использования их в качестве обращений. Напр., слова **дедуля**,

бабуля в словарях сопровождаются пометами *разг.* <оворное>, что указывает на сферу их использования в живой разговорной речи, в неофициальной обстановке. Неодобрительный, отрицательный характер оценки они как будто бы не выражают. Однако они не являются и нейтральными. Практика показывает, что их часто употребляют на улице, в транспорте, в магазине, поликлинике как обращение к пожилым людям, причем говорящий определенно считает, что он использует *вежливую* форму обращения. Но воспитанные, интеллигентные пожилые люди, наоборот, воспринимают такое обращение к себе как оскорбительное, обидное, а говорящего — как недостаточно воспитанного человека. Таких примеров можно привести очень много. Они подтверждают важность для изучающих русский язык иностранцев такой информации о слове. Причем она должна быть разнообразной, исчерпывающей и системной. И содержаться, как представляется, в учебных словарях интегрального типа. В настоящее время такими словарями отечественная лексикография не располагает.

Сотрудники Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б.А. Ларина филологического факультета СПбГУ совместно с тайваньскими коллегами-лексикографами предприняли попытку создания такого словаря. Как представляется, это должен быть комплексный учебный словарь активного типа, характеризующийся антропоцентрической направленностью, дающий возможность реализовать лингвокультурный подход к описанию языковых явлений.

*Л.В. Рацибурская
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

НОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Имеющиеся словообразовательные словари ориентируются на представление словообразовательной структуры слова. Бинарная структура производного слова формирует два направления словообразовательной лексикографии: аффиксальное и корневое. При корневом подходе в центре внимания исследователей оказывается корень, его словопорождающие возможности и то индивидуальное значение слова, которое формируется в словообразовательном акте.

Корневой подход лежит в основе создания словарей гнездового типа. Науке известны разные попытки и опыты создания гнездовых словарей. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля сочетаются алфавитный и «корнесловный» способы размещения слов. Гнездовой принцип подачи материала частично реализован и в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (первые три тома): в гнездо включаются

суффиксальные образования, а префиксальные из него выводятся. В ставшем крупным достижением современной словообразовательной лексикографии «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова (1985) впервые представлена система словообразовательных гнезд русского языка, но не объективируются лексико-словообразовательные связи слов. «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой (2000) отличается формализованными толкованиями не только одноструктурных с точки зрения словообразования лексических единиц, но и словообразовательных морфем.

По сути, первым настоящим толково-словообразовательным словарем стал «Толковый словообразовательный словарь русского языка» И.А. Ширшова (2004), в котором последовательно реализован гнездовой принцип расположения слов и впервые четко представлены в их взаимодействии принципы определения границ синхронных словообразовательных гнезд: семантический, этимологический, критерии сохранения внутренней формы слова и нерегулярности отношений в гнезде.

И.А. Ширшов отказался от бескомпромиссной синхронности при построении словарной статьи, опираясь на разработанную им типологию производности (ядерная, периферийная, промежуточная) и уточненную автором теорию степеней мотивированности слов (полная – прямая, переносная, периферийная, частичная – косвенная, метафорическая, ассоциативная).

Представленный в словаре перспективный способ подачи материала дает возможность представить заглавное слово статьи как цельнооформленную единицу, позволяет показать словопроизводственный процесс, фиксирует словообразовательную структуру слова, а также снимает трудности при описании полимотивированности и поликоррелятивности.

По-новому представлены слова со связанными корнями: последние являются вершинами гнезд. Наряду с одновершинными словарь содержит и двухвершинные гнезда.

Толково-словообразовательный словарь И.А. Ширшова наглядно демонстрирует деривационные возможности слов и корней, способствуя изучению русского языка как иностранного.

Р.П. Рогожникова
Институт лингвистических исследований
Российской академии наук
(Санкт-Петербург)

О ЕДИНИЦАХ ОПИСАНИЯ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА **(в свете высказываний Я.К. Грота)**

В толковых словарях национального языка должен быть представлен и описан весь лексический языковой фонд.

Лексический фонд русского языка представляет собой, с одной стороны, лексические единицы – слова, с другой стороны — разного рода сочетания слов. Особую группу среди сочетаний слов составляют типовые устойчивые сочетания, функционирующие в речи наряду со словом (*друг друга, между прочим, потому что* и т.п.).

Вопрос этот интересовал многих исследователей, особенно лексикологов и лексикографов, в том числе и Я.К. Грота, который отмечал, что подобные единицы наряду со словом следует выделить в словаре «в азбучном порядке».

Типовые устойчивые сочетания касаются в большей степени служебных слов: предлогов, союзов, междометий, частиц, а также наречий, хотя и так называемые знаменательные слова содержат большое количество типовых устойчивых сочетаний, например, имена собственные: *Петр Первый, Черное море* и т.п.

Типовые устойчивые сочетания характеризуются тем, что в речи такие сочетания воспроизводятся как единое целое, функционирующее наряду со словом. Так же, как и слово они могут быть нейтральными или стилистически окрашенными. Нередко они синонимичны слову: *Ах ты, господи! Ах ты, боже мой!* и т.п.

Следует обратить серьезное внимание на этот ряд единиц и принять их, как и слово, за основную единицу описания в толковом словаре.

РАЗВИТИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ Я.К. ГРОТА В ХОДЕ РАБОТЫ НАД АКАДЕМИЧЕСКИМ ИЗДАНИЕМ СОЧИНЕНИЙ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Первые обращения Я.К. Грота к державинской теме относятся к 1845 г., когда он, будучи профессором русского языка, словесности и истории Александровского Гельсингфорского университета в Финляндии, опубликовал в журнале «Современник» три статьи о жизни и творчестве Державина. После избрания в 1855 г. членом Второго отделения Императорской Академии Наук Грот возглавил работу по изданию Сочинений Державина: в 1859 г. опубликован план академического издания, в 1862–1863 гг. Грот осуществил ряд экспедиций по местам деятельности Державина, в 1864–1883 гг. готовилось и публиковалось расширенное издание Сочинений Державина с примечаниями редактора (9 томов с рисунками, портретами и снимками), в 1868–1878 гг. параллельно с расширенным выходило 2-ое, сокращенное для широкой публики издание Сочинений Державина в 7-тт.

В целом работа Грота, связанная с данной темой, продолжалась более 35 лет, из которых публикаторская деятельность – 20 лет.

За это время оформились и развились основные лингвистические и общефилологические воззрения академика Грота.

Непосредственно с державинской темой связаны следующие идеи Грота:

- концепция изучения языка отдельного писателя и составления словаря писателя;
- строгий исторический подход к оценке вклада конкретного писателя в развитие языка;
- обязательный учет широкого круга документов (источников), связанных с деятельностью писателя, и их детальный научный разбор;
- выделение этапов развития русского литературного языка (от Ломоносова до Гончарова);
- рассмотрение деятельности писателя в биографическом и конкретно-историческом контексте.

ПОЛЕМИКА ШИШКОВИСТОВ И КАРАМЗИНИСТОВ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Я.К. ГРОТА

1. Я.К. Грот представлял то направление в русском языкознании, которое условно можно назвать *синхронно-нормативным*; именно с этих позиций он, например, полемизировал с А.И. Соболевским по вопросам орфографии, отразилось это и в его лексикографической деятельности (В.В. Колесов). И это безусловно сказалось на его *методологии* изучения борьбы шишковистов и карамзинистов. Я. К. Грот настойчиво призывает смотреть на нее как на полемику *о слоге*, и только о слоге. Он остается в этом вопросе правоверным карамзинистом, видя в «идеологических» высказываниях Шишкова о «чистоте веры», патриотизме, о следовании «обычаям предков» лишь софистические «уловки» и как бы не замечая стоящей за ними лингвофилософии.

2. Полемизируя с Н.А. Лавровским, считавшим, что многие «нововведения» в язык, приписываемые Карамзину, утвердились в произведениях русских просветителей (Новикова, Фонвизина, Крылова и др.) до Карамзина и независимо от Карамзина, Я.К. Грот поставил вопрос о том, какими критериями следует руководствоваться, говоря о *новом качестве литературного языка*. По его мнению, спорадически появляющиеся у писателей-просветителей короткие фразы с естественным словорасположением, общее сокращение употребительности обветшалых славянизмов не могут свидетельствовать о том, что русский литературный язык в их творчестве получил новое качество, поскольку эти черты новизны не были ими теоретически осознаны и не были выдержаны последовательно.

3. В этой связи Я.К. Грот ставит вопрос о необходимости *сравнительного анализа текстов* ближайших предшественников, современников Карамзина и писавших непосредственно за ним, чтобы объективно оценить, по какой линии пошло развитие русского литературного языка.

4. Доказательство того, что литературная война между шишковистами и карамзинистами была прежде всего полемикой о «слоге», Я.К. Грот пытается найти, исследуя *предысторию полемики*. Грот очень хорошо знал литературный процесс XVIII в.: на некоторые факты он, возможно, обратил внимание впервые, напр., на близость позиций Карамзина и Подшивалова, на значение некоторых «фигур умолчания» в полемике; пытался Грот вскрыть и некоторые личные мотивы участников этой литературной войны. Главный вывод, который можно сделать из этой части исследования Грота: полемика началась не с выступления Шишкова, а с журнальной войны 1790-х гг., начал которую Карамзин, «бросив перчатку академическим славяноманам»; и главным оппонентом Карамзина в этой войне был *не Шишков, а Крылов*.

Отсюда вытекает очень важный вывод, к сожалению, не сделанный Я.К. Гротом: оценивать «карамзинскую перспективу» для русского литературного языка следует только в сопоставлении с «перспективой крыловской», с теми преобразованиями, которые осуществил в русском литературном языке Крылов.

5. Синхронно-нормализаторские наклонности Я.К. Грота проявляются и в его стремлении *разграничить «язык» и «слог»* и с этих позиций подойти к оценке роли Карамзина в истории русского литературного языка. Понадобилось это для того, чтобы отделить «манерную» составляющую слога Карамзина от его языкового новаторства и тем самым отбросить ту часть претензий А.С. Шишкова, которые относились к слащавости и изысканной перифрастичности «нового слога» и базировались в основном на цитатах, извлеченных из сочинений бездарных «писак» – эпигонов Карамзина.

А.И. Соколов
Санкт-Петербургский государственный
технологический институт
(Технический университет)

СЕМАНТИКА ТЕРМИНА И ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ ДИНАМИКИ В ТРАКТАТАХ ПО ХИМИИ КОН. XVIII – НАЧ. XIX ВВ.

К началу XVIII в. химия обладала значительной базой накопленных эмпирических данных. Их теоретическое осмысление с учетом предшествующих знаний приводило к пересмотру старых теорий и возникновению новых доктрин. В европейских языках складывался значительный пласт неологизмов – терминов, называющих новые научные представления и понятия. При этом ревизии подвергалась уже устоявшаяся специальная лексика, однако отказ от прежней терминологии происходил постепенно. В процессе перехода к новым обозначениям сохранялась преемственность между старыми и новыми номинациями, и какое-то время они существовали параллельно. Нередко старый термин приобретал дополнительное значение и в таком качестве функционировал до появления новой номинации.

Изменения в семантическом наполнении ряда терминов находят отражение и в русской химической терминологии XVIII – нач. XIX вв., представленной в оригинальных и переводных трактатах. Так, одно из специальных значений слова *земля* ‘одна из стихий, лежащих в основе всех естественных тел’ к концу XVIII в. становится архаичным. Параллельно в источниках начала того же века (например, в «Географии генеральной» Варения, содержащей достаточное число химических сюжетов) фиксируется появление нового специального значения слова – ‘природное минеральное

вещество'. Во второй трети XVIII в. семантический объем слова *земля* расширяется за счет появления новых значений: 'металл или полуметалл, превращенный в порошок в результате горения или соприкосновения с воздухом; оксид' и 'порошкообразное вещество, образующееся в результате растворения металла или полуметалла в кислоте; соль'.

В процессе терминологизации семантически не связанные в общем языке слова обнаруживают тенденцию к смысловому схождению в специальных значениях. Так, в приведенных выше новых значениях слово *земля* сближается со словами *известь*, *пепел*, *ржавчина*, *окалина*. В языке химии они образуют терминологические ряды (один из которых в конце XVIII – н. XIX вв. пополнится терминами *полукислота*, *оксид*, *окисел*), вступают в особые семантические связи, отражающие относительно сложившуюся и в то же время развивающуюся систему научных понятий.

В качестве химических терминов указанные слова функционируют, хотя и с некоторыми ограничениями, как синонимы, например: *Ртуть претворяется в известь или землю либо чрез огонь, либо чрез кислоты* (И. Генкель). *Я .. не преминул при описании употребить слово: известь, чрез то я, как обыкновенно у Хемиков бывает, не иное что разумѣю, как известь, пепел, или металлическую землю, горячаго существа лишенную* (А. Кронштедт).

Одновременно отмечаются контексты, где указанные термины используются как семантически дивергирующие единицы, находящиеся, скорее, в родовидовых отношениях. На наш взгляд, подобная антиномия свидетельствует, с одной стороны, о неустоявшемся характере системы химических номинаций в западноевропейских языках науки, а с другой – демонстрируют динамику формирования русской химической терминологии, поиски собственного корреспондента для обозначения того или иного научного понятия.

Г.В. Судаков
Вологодский государственный
педагогический университет

СТРУКТУРА ОБЩЕНАРОДНОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ Я.К. ГРОТА

Общелингвистическая концепция Я.К. Грота детально не анализировалась. Энциклопедизм Грота, проявившийся при изучении им разных сторон языка, позволяет выяснить содержание его лингвистической концепции, в частности, его идеи о структуре и составных элементах общенародного языка, характеристике разновидностей языка и взаимоотношениях этих разновидностей.

Наблюдения проводились нами на материале трех статей ученого: «Толковый словарь живого великорусского языка, В.И. Даля»; «Областные словари»; «Карамзин в истории русского литературного языка». Обобщим выводы из анализа:

1) Хотя Я.К. Грот употребляет слова *язык* и *речь* как тождесловы, однако, судя по цитатам, язык для него – это система, строй языка, а речь – это употребление.

2) Грот различает общеупотребительный язык (весь запас великорусского языка) и его области, или сферы (сюда входит и народный язык, и письменная речь).

3) Для характеристики разновидностей языка и речи учитывается несколько их свойств: а) степень распространения (общеупотребительный – народный или литературный); б) сфера распространения (устная речь – письменная речь); в) социальный состав носителей и уровень образованности разных социальных групп (язык славяноманов, французский штиль); г) отношение языка к литературе (литературный язык – живая речь).

4) Одинаково подробно описываются обе основные сферы (области) общеупотребительного языка: **литературный язык и народный язык. Литературный язык (литературная речь)** состоит из двух элементов: 1) письменный язык (письменная речь), имеющая особые законы и правила; сюда включается книжный язык (книжная речь), но ими не ограничивается письменный язык; 2) образованный язык (образованная речь), т.е. речь образованного общества, письменная и устная. Чрезвычайно важно признание устной речи образованного общества составной частью литературного языка. **Народный язык (народная речь)** – разговорная разновидность общенародного языка, существующая в устной форме (“устная речь”), предназначенная для повседневного общения (“вседневная речь”) и имеющая территориальные различия. В известной части (в речи образованных людей) этот язык может быть очищен, обработан и соприкасаться с литературной речью.

5) Грот делает попытку отличить язык писателя (“общее орудие мысли в распоряжении отдельного лица”) и слог как индивидуальную принадлежность писателя (“слог Карамзина”, “карамзинский слог”).

6) В работах Грота заметно стремление зафиксировать особенности речи социальных групп (“язык славяноманов”, “французский штиль”).

7) Опираясь на лексикографическую практику эпохи, ученый впервые выделил в составе лексики три группы слов: слова областные, слова народные, слова общеупотребительные.

ТРАДИЦИИ Я.К. ГРОТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ¹

С именем Я.К. Грота связано многое в истории отечественной культуры и науки. Филологам Я.К. Грот известен прежде всего как нормализатор русского правописания и лексикограф. О нём А.Ф. Кони писал, что это был человек, который "сердцем ощущал, понимал и горячо любил Россию и чудесный русский язык её народа" [цит. по 2: 101]. На протяжении всей своей научной деятельности Я.К. Грот занимался лексикографией. Тщательный анализ лексикографических трудов и лексиконов, вышедших в Европе, помог Я.К. Гроту выработать принципы академического толкового словаря и выступить с программными работами о типе областного словаря.

Создание словарей современных говоров, отражающих традиционную народную культуру, во многом продолжает традиции, заложенные Я.К. Гротом. Работа над диалектными словарями, проводимая различными региональными центрами, способствует воссозданию национальной картины мира, которая коренится «в категориях и формах родного языка» [3: 148]. Изучение национального мировидения и мировосприятия и отражения его в различных формах народной речи — одна из важнейших задач и неотъемлемая часть современной лингвистики и лексикографии. Местные говоры, как и другие формы национального языка, являют собой хранилище народной культуры и традиции, а их носители – носители народной ментальности [3: 148]. Описание вербализаций культурно значимых понятий/концептов в говорах Омского Прииртышья может быть сделано в словаре нового типа, словаре, репрезентирующем представления о мире носителей разных этносов, проживающих на одной территории. О необходимости создания подобных словарей пишут многие исследователи народной речи (Г.А. Раков, В.П. Васильев, Э.В. Васильева, Т.А. Демешкина и др.): "описание диалектной концептосферы ставит перед исследователями задачу создания диалектных словарей нового типа, предполагающих обращение не к семантике слова, а к основным концептам народной речевой культуры" [1: 59].

Установка на реконструкцию диалектной картины мира является одним из важнейших *общетеоретических принципов*, на котором основан наш словарь народной речи полиэтнического региона Среднего Прииртышья.

В качестве образца рассмотрим словарную статью *дом*. Следует отметить, что в словаре подобного типа сам материал диктует конкретную наполняемость словарной статьи. Поэтому у нас нет жёсткой структуры словарной статьи: каждая статья будет иметь тот вид, который "диктует" собранный нами живой материал народной речи Среднего Прииртышья. Так, в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ №12-34-01078.

словарной статье *дом* будет представлено четыре основных значения, однако существенную часть статьи занимают иллюстрации, характеризующие дома по видам: *одностопный дом, одностопная изба; одностенка, одностопка, одноколка, одностопочка* ж., умен.-ласк. 'дом, состоящий из одной комнаты, изба'; *пятистенный дом, пятистенник, четырёхжильный* – в старожильческих говорах, *пятистенок, пятистенный* – в новосельческих говорах; здесь представлены как лексико-грамматические варианты словосочетания, так и лексемы с *коннотативными пометами*, кроме того, показано и варьирование номинаций по говорам с разной диалектной основой. Определения при имени выявляют связь определений с содержательными потенциями слова как носителя концепта. Рассмотренные постоянные эпитеты создают новые понятия, выделяя актуальный для носителя говора признак концепта: *одностопный дом, пятистенный дом* и т.п., всё это однозначные понятия образного характера. Определяющее слово стало основой отдельного термина, репрезентированного уже существительным (символом), что выявляется в словообразовательном ряду: *одностопный дом* > *одностопка/одностенка/одноколка, пятистенный дом* > *пятистенник*. В задачи словаря входит объективация подобных процессов, поскольку с помощью них выявляется национальная специфика концептов народной речемысли и реконструируется диалектная картина мира.

Литература

1. *Демешкина Т.А.* Способы описания концептов диалектных культур//Картина мира. Модели. Методы. Концепты. — Томск, 2002. — С. 59–67.
2. *Карпюк Г.В.* Жизнь и деятельность Я.К. Грота//Русский язык в школе. — 1973. — № 2. С.101-106.
3. *Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». — СПб, 1999. — 368 с.

*М.Г. Церцвадзе.
Государственный университет
Акакия Церетели.
(Грузия, Кутаиси)*

СТАБИЛИЗАЦИЯ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ В ТРУДАХ Я.К. ГРОТА

В данной статье мы рассмотрим труд Я.К. Грота «Русское правописание» и его роль в установлении норм русской орфографии.

Орфографический трактат академика Я.К. Грота был создан по поручению Второго отделения Императорской Академии наук и стал ответом

на запрос времени: орфографическая практика II половины XIX века при отсутствии определяющей теории отличалась неупорядоченностью и разнообразием.

«Русское правописание» Я.К. Грота – это первый орфографический труд, установивший правила русского правописания.

Основные положения орфографической программы Я.К. Грота сводились к следующему: русская азбука включает 35 букв, в числе которых буква ИЖИЦА, но она заключена в скобки, потому что "почти никогда не употребляется". Буквы И и Е получают особое назначение с помощью надстрочных (Й и Ё), но им пока нет места в русской азбуке.

К работе прилагалось два списка для заучивания: список слов с буквой ФИТА – около 60; список первообразных слов с буквой ЯТЬ – свыше 150 слов.

Автор выделяет в правописании два принципа: фонетический и этимологический. В первом случае слова "пишутся сходно с произношением"; во втором – "когда в письме, с одной стороны, соблюдается производство слов, а с другой – отражается древнее, уже изменившееся произношение или вообще употребляются общепринятые издавна начертания, не указываемые живой речью". В русском правописании "преобладает характер этимологический", и "господствующее начало его заключается в том, чтобы, согласно с непрерывно развивающейся исторической жизнью языка, в начертаниях ясны были следы происхождения и состава слов" [1: 20 – 21].

Орфографическое руководство Я. Грота породило целый поток полемических публикаций. Недовольство, возникшее и в педагогических, и в ученых кругах сразу же по выходе книги, продолжалось долгое время.

Несмотря на очевидные недостатки орфографического руководства (отсутствие твердости принципов и последовательности), "Русское правописание" обозначило некоторые рамки орфографической свободы предшествующего периода и придавало орфографии статус официальности. Оно способствовало внедрению единообразия и этим сыграло серьезную роль «в истории государственной стандартизации русского письма», поскольку «впервые устанавливалась единая система и устранялись мучительные орфографические шатания последнего периода “вольности дворянства” и неорганического обучения родному языку», оно открыло возможность «сознательного регулирования развитием орфографии» и внесло «некоторые поправки в сторону согласования и сближения письма с произношением». Оно, наконец, способствовало развитию научной мысли, пробудило орфографические силы и стало решительным аргументом за реформу, которая устранила, выражаясь словами Р.Ф. Брандта, орфографическое наследие «не достаточно сведущих, но зато крайне смелых грамматистов». Правописание «по Гроту» с небольшими изменениями сохранялось до орфографической реформы 1918 года.

Якова Карловича Грота по праву можно считать основателем отечественной филологической науки. Немец по происхождению, знаток русского языка по призванию, он много сделал для России, для русской науки.

Литература

1. *Грот Я.К.* Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге "Русское правописание": Записка акад. Я.К. Грота, читанная во II отд. Импер. Академии наук // Сб. ОРЯС. — 1886-а. — Т. 40. — № 1. — С.1 – 55.

Л.Л. Шестакова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук
(Москва)

Я. К. ГРОТ КАК РОДОНАЧАЛЬНИК РУССКОЙ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Деятельность Грота-лексикографа составила целый этап в истории отечественной филологии. С именем Грота современная наука связывает не только подготовку одного из лучших нормативных словарей XIX в., но и создание первого словаря языка писателя.

«Словарь к стихотворениям Державина» стал одним из результатов многолетней работы ученого по подготовке полного собрания сочинений Державина. Приступая к ней, Грот планировал представить и анализ языка поэта. В предисловии к т. 1 собрания он подчеркивал: «...все наблюдения над языком Державина мы намерены соединить в особом приложении к его сочинениям» [1, 1: XLI]. Таким приложением, вошедшим в т. 9, стал раздел «Язык Державина». Первую его часть составил очерк «Общие и частные замечания», целью которого было показать некоторые языковые особенности поэта: использование им церковнославянских и простонародных слов, так называемых «словосоставлений» (*златордяный, тьмозвездный*) и др.

Концепция Словаря Державина, составившего вторую часть названного раздела, согласовывалась с представлением Грота об особенном как основном предмете изучения авторского языка. Словарь был создан в соответствии с «замечаниями», отражал выделенные особенности и должен был «облегчить всякому дальнейшие наблюдения» над языком и слогом Державина [1, 9: 355]. При этом справочник отвечал сформулированной Гротом главной цели авторского словаря – служить материалом для истории общеупотребительного языка, его лексикона и грамматики.

Для описания выбранных лексем Грот использовал жанр конкорданса с исходной формой слова (без ударения) в качестве основного вида заголовочной единицы. Модель словарной статьи, включающей триаду: заголовок – иллюстрации (призванные «дать понятие об употреблении поэтом слова» [1, 9: 336]) – шифр произведения, реализована во множестве статей к словам разных классов:

Зракъ. — <...> Во зрак± божества младаго. *Вызд. Мец.* 123, 6. <...>

Милосизый. — О милосизая птичка! *Ласт.* 570, 1.

Русь. — <...> Взлетала саранча на Русь. II, 651, 5. <...>

Однако для немалого числа «особенных» единиц такие рамки словарной статьи оказалась узкими. В описания лексем с затемненной (или неочевидной) семантикой, грамматическими, произносительными и др. особенностями Грот счел необходимым включить соответствующие сведения, давая их, как разного рода уточнения, в скобках: *бычокъ* (пляска), *воскликновение* (ц.-сл.), *мониста* (ж. р.) и т. п.; ср. *зорить* (раззорять). В статье вводились также лингвистические и энциклопедические комментарии.

Первый опыт дифференциального, регистрирующего в своей основе писательского словаря, конечно, не был лишен недостатков (отметим расплывчатость в трактовке составителем понятия «особенность» языка автора, непоследовательности в подаче материала). Однако на его примере видно, как поначалу ставились и решались многие вопросы, приобретшие позднее традиционный для авторской лексикографии характер (предмет интерпретации в словаре писателя, отбор слов для него, роль иллюстраций и др.).

Литература

1. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. — Тт. I–IX. — СПб., 1864–1883.

А.С. Щекин
Санкт-Петербургский
государственный университет

АДАПТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII вв.

(на материале «Царства Алгерийского краткого описания»)

На протяжении XVII века по мере развития международных связей Московского государства лексический состав русского языка пополнялся значительным количеством слов, заимствованных из других языков. Еще более интенсивно этот процесс протекал в петровскую эпоху. Одним из источников пополнения русского языка заимствованной лексикой были переводы западноевропейских сочинений по истории и географии различных стран. К этому жанру относится и текст, озаглавленный «Царства Алгерийскаго краткое описание, от различных авторов собранное», список которого находится в рукописи РНБ ОСРК F.IV.93. А.И. Соболевский датировал рукопись концом

XVII века [1: 70], но по ряду признаков ее следовало бы отнести к XVIII веку. Находящийся в ней текст также, скорее всего, принадлежит петровской эпохе.

Этот текст, представляющий собой географическое описание Алжира и Туниса с некоторыми сведениями по истории этих стран в XVI-XVII веках, является переводом фрагмента сочинения «*Turcici imperii status. Accedit de regn[o] Algeriano atque Tunetano commentarius*», изданного в Голландии на латинском языке в 1634 году. В памятнике можно встретить как слова, заимствованные из западных языков: *вицeroй*, *дорический*, *император*, *капитель*, *комора*, *фундамент*, так и из восточных языков: *везир*, *джами* ‘мечеть’, *паша* и др. Заимствования демонстрируют разную степень их освоения русским языком. Наряду со словами, заимствованными русским языком в более ранние эпохи и вошедшими в русскую систему словоизменения, как, например, *везир* или *паша*, в описании Алжира встречаются и экзотизмы, сохраняющие морфологическое оформление исходного языка, например, *рeнегaдoс* (исп. мн. ч. от *renegado* ‘отрекшийся (от христианства), отступник’, *султaнe* (тур. *sultanî* ‘золотая монета’). В некоторых случаях сохраняется даже запись слова буквами латинского алфавита: *Вмѣсто япанчи носят ризу долгую*, латинским диалектом *Toga* именуемую [2: 5].

С точки зрения оценки системных связей в лексике интересно и то, как объясняются заимствованные слова в тексте памятника. Так, в ряде случаев восточное слово толкуется через его западноевропейский эквивалент, что, возможно, объясняется влиянием латинского оригинала: *Турчинъ убо завладѣвъ црство(м) алгерииски(м), началъ посылати тамо пашу или вицeroя*, иногда погодно, овогда же в два года. [2: 1об.], ср. *Turca jam Algerii potens, eo mittit Bassam sive vice Regem, interdum singulis annis, nonnunquam binis et pluribus* [3: 310–311].

В целом, можно сказать, что «Царства Алгерийскаго краткое описание» представляет несомненный интерес для исторической лексикологии русского языка, предоставляя обширный материал для изучения заимствованной лексики в русском языке на рубеже XVII и XVIII веков.

Литература

1. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. Библиографические материалы. — СПб, 1903.
2. Царства Алгерийскаго краткое описание, от различных авторов собранное. — Рукопись РНБ ОСПК F.IV.93, XVIII в., 21 л.
3. *Turcici imperii status. Accedit de regn[o] Algeriano atque Tunetano commentarius.* — Lugduni Batav[orum], 1634.

ТЕРМИНОЛОГИЯ В «СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕД. Я.К. ГРОТА¹

«Словарь русского языка» под ред. Я.К. Грота (выпуски «А»-«Д»), вышедший в свет в начале 1890-х гг. и имевший, по замыслу создателей, «по преимуществу практический характер», был призван отвечать «потребностям образованного класса людей вообще», к нему «мог бы прибегать с пользой и литератор и ученый» [1: VII]. В связи с такой постановкой задачи Словарь должен был включать представительный пласт терминологической лексики, значительно расширенный по сравнению с предыдущими толковыми лексикографическими изданиями, что и было успешно осуществлено на деле.

Следует отметить, что во второй половине XIX века понятие «термины», «терминология» трактовалось более широко, нежели в современной лингвистике. Так, согласно одной из наиболее строгих для этого периода дефиниций, к терминологии относились «технические слова и выраженья какой-нибудь науки, художества или ремесла» [2, III: 647], включавшие, следовательно, помимо собственно терминов и профессионализмы. Именно такое понимание терминологии характерно, судя по материалам Словаря, и для Я.К. Грота.

Личность главного редактора «Словаря русского языка» Я.К. Грота, его мировоззрение и научные пристрастия находят яркое отражение на всех этапах подготовки Словаря, в том числе и в отношении специальной лексики. Согласно декларируемым принципам Словаря, «из научных и технических терминов в словарь включены такие названия, которые могут встречаться как во вседневном быту, так и в не слишком специальных сочинениях, а также термины собственно русского происхождения хотя и малоизвестные, но могущие удачно заменять иностранные». Отбор терминов производился с учетом рекомендаций 30 специалистов в области различных наук и техники (в т.ч. 13 академиков), осуществлявших просмотр и исправление корректуры Словаря, что позволило достичь в большинстве случаев достаточно объективного и научно обоснованного описания этого пласта лексики.

Перечислим некоторые важные особенности представления терминологии в «Словаре русского языка», к которым в первую очередь следует отнести:

1) преемственность в способах подачи и описания терминологии по отношению к Словарю 1847 г. и во многом по отношению к Словарю Даля, на

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-04-00056а «Формирование дифференциального словника «Словаря русского языка XIX в.»

базе которых осуществлялось составление нового академического словаря конца XIX века;

2) уникальную в истории русской толковой лексикографии специализацию разработанных для терминологической лексики помет — 104 единицы (в Словаре 1847 г. — 54 ед., в Словаре Ушакова — 68 ед., в БАС¹ — 82 ед., в текущем изд. БАС — 1 ед.), к сожалению, не во всех случаях последовательно реализуемую и не вполне совершенную, о чем свидетельствует наличие вариантов помет: *Арт.—Артил.*, *Мех.—Механ.*, *Фабр.—Фабричн.* и т.п., синонимических дублетов: *Куп.—Торг.* и др., противоречивость, неунифицированность дефиниций ряда специальных помет;

3) отражающую научную точку зрения главного редактора Словаря этимологию терминов (е.г. *батырщик*, *бодяга*);

4) не преодоленную и в данном словаре (по сравнению с предшественниками) несбалансированность в отношении объема и типа дефиниций терминов — от исчерпывающего энциклопедизма в описании одних терминологических групп, в первую очередь терминов филологии и гуманитарных дисциплин (е.г. *давнопрошедший*, *дательный*; *давность* (юрид.), *дежурный*), до минимализма, неточности, неясности в описании некоторых других терминов (е.г. *атом*, *гуява* (бот.), *деклинация* (астрон.), *долерит* (минерал.) и др.).

Как достижения, так и недочеты этого в высшей степени уважаемого лексикографического издания еще раз подчеркивают всю сложность проблемы филологического описания терминологии, перед лицом которой оказываются составители всех толковых и исторических словарей, включая разрабатываемый в Словарном отделе ИЛИ РАН «Словарь русского языка XIX века».

Литература

1. Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. — Вып. I-2. — СПб., 1891–1895.
2. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Под ред. Ф. Толля и В. Зотова, тт. I–III. СПб., 1863–1864.

Список условных сокращений

БАС¹ — Словарь современного русского литературного языка. — Тт. 1–17. — М.–Л., 1948–1965.

Словарь Даля — В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. — Тт. I–IV. — М., 1863–1866.

Словарь 1847 г. — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. — Тт. I–IV. — СПб., 1847.

Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. — Тт. I–IV. — М., 1934–1940.

ОТРАЖЕНИЕ ГРАФИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НОВЫХ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В СВЕТЕ РАБОТ Я.К. ГРОТА

Для начальной стадии процесса заимствования часто характерна графическая нестабильность иноязычных слов, которая выражается не только в наличии вариантных письменных форм в повседневном употреблении, но и отражается на практике современной русской лексикографии.

В настоящем докладе делается попытка выявить, насколько актуальны размышления Я.К. Грота о спорных вопросах орфографии иноязычных слов в русском языке наших дней. При этом постараемся также ответить на вопрос, в какой мере применимы к современной языковой ситуации результаты исследования выдающегося русского лингвиста XIX века, описанные в его фундаментальных трудах о русском правописании. Данный вопрос особенно интересен в свете того, что на рубеже XX и XXI веков в русском языке преобладают заимствования из американского варианта английского языка, в отличие от эпохи научной деятельности Я.К. Грота, т. е. второй половины XIX века, когда в роли главного источника заимствованных слов выступал не английский, а французский язык.

Для иноязычных неологизмов последних десятилетий наиболее актуальными являются следующие орфографические проблемы: 1) употребление букв *э/е* в различных позициях (ср. *бренд/брэнд, плейер/плэйер, риелтор/риэлтор* и др.); 2) употребление удвоенных согласных (ср. *баннер/банер, оффшор/офшор, фитнес/фитнес* и др.); 3) дефисное или слитное написание новых слов (ср. *диджей/диджей, нет-сёрфер/нетсёрфер, фаст-фуд/фастфуд* и др.). Две первые проблемы были подробно описаны в работах Я.К. Грота, третья же стала особенно важной в последнее время в результате заимствования большого количества англицизмов, по своей структуре представляющих собой сложносоставные слова в языке-оригинале.

На основе различных лексикографических источников современного русского языка (орфографических и толковых словарей, а также словарей иностранных слов и неологизмов) в настоящем докладе рассматриваются некоторые случаи колебания в графическом оформлении новых английских заимствований, демонстрирующих неустойчивость в указанных трех группах. При сопоставлении лексикографических данных особое внимание уделяется вопросу о способах подачи графических вариантов и предпочтении той или иной формы составителями отдельных словарей. В ходе сравнительного анализа обнаруживается непоследовательная, порой даже противоречивая трактовка формальной стороны нового иноязычного материала в разных лексикографических справочниках современного русского языка.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Азаматова А.Х.</i> К проблеме систематизации и унификации лингвистической терминологии.....	2
<i>Ахметбекова А.М.</i> К вопросу о требованиях к терминологической дефиниции.....	3
<i>Басаргина Е.Ю.</i> Участие Я.К. Грота в дискуссии о положении Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук...	5
<i>Баташева Л.А., Кайгородова И.Н.</i> Областные слова как источник сведений об историко-культурной жизни народа.....	6
<i>Башмакова А.П.</i> Безлично-предикативные слова в диалектных словарях.....	7
<i>Бурыкин А.А.</i> О взаимодействии фонетики, графики и орфографии (спорные вопросы в системе фонем русского языка с позиций фонологической школы Л.В.Щербы).....	8
<i>Бурыкин А.А., Захаров В.П.</i> Наблюдения над орфографической нормой и вариантами в системе автоматической обработки текстов: <i>под шофе, под-шофе, подшофе</i> и др. (материалы проекта «Библиотека лексикографа»).....	11
<i>Буцева Т.Н.</i> О критериях отбора лексики в словари новых слов.....	12
<i>Верба И.П., Ганцовская Н.С.</i> Я.К. Грот и «Материалы для Словаря народного языка» Н.А. Островского.....	13
<i>Виноградов Д.В.</i> Об одной особенности «Словаря русского языка» под ред. Я.К.Грота.....	14
<i>Галиуллин К.Р.</i> От первого авторского словаря XIX в. к текстоописывающим интернет-справочникам XXI в.	15
<i>Геккина Е.Н.</i> Лексикографические запросы в проекции метаязыковой коммуникации.....	16
<i>Дягилева И.Б.</i> Иноязычные вкрапления в русской публицистике 30–40-гг. XIX в.....	17
<i>Ефремов В.А.</i> Электронная форма лексикографии: <i>pro et contra</i>	19
<i>Жданова Е.А.</i> Роль словарей новых слов в анализе языкового развития....	20
<i>Зеленин А.В.</i> Я.К. Грот в Финляндии: восприятие личности и деятельности.....	21
<i>Зорина Л.Ю.</i> К вопросу о лексикографическом представлении диалектных благопожеланий.....	23
<i>Иванова Г.А.</i> К проблеме нормы в терминологии.....	24
<i>Калиновская В.Н.</i> Лексические новообразования XIX в.: материалы Словника «Словаря русского языка XIX в.» в сопоставлении со «Словарем русского языка» под ред. Я.К. Грота.....	26
<i>Козловская Н.В.</i> К проблеме лексикографического описания языка русской религиозной философии.....	27
<i>Козулина Н.А.</i> Лексико-семантическая группа <i>вампир</i> — <i>вурдалак</i> —	

<i>упырь</i> — <i>дракула</i> и их производные в современном русском языке.....	29
<i>Колосько Е.В.</i> Функционирование немецких заимствований в русских народных говорах.....	31
<i>Костючук Л.Я.</i> Деятельность Я.К. Грота — развитие и создание ряда филологических направлений.....	32
<i>Круглов В.М.</i> Прошлое и будущее Большой Словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН.....	34
<i>Левина С.Д.</i> Новое в семантике и сочетаемости слова <i>синдром</i> в 1990-е гг (на материале прессы)	35
<i>Маринова Е.В.</i> Развитие полисемии новых заимствований как лексикографическая проблема.....	37
<i>Мингазова Л.С.</i> Я.К. Грот — первый составитель словаря языка Г.Р. Державина	38
<i>Мызников С.А.</i> Вклад Я.К. Грота в изучение прибалтийско-финских языков.....	39
<i>Нечаева И.В.</i> О «желательном единообразии» в правописании заимствований (по Я.К. Гроту).....	42
<i>Никитина О.А.</i> Двухязычная неография как новое направление в лексикографии (на примере проекта немецко-русского словаря неологизмов).....	43
<i>Приемышева М.Н.</i> О неопубликованных словарях Я.К.Грота (из фондов Петербургского филиала Архива РАН).....	44
<i>Пурицкая Е.В.</i> Учебный двухязычный русско-тайваньский словарь прагматики: проект и пробные словарные статьи.....	45
<i>Рацибурская Л.В.</i> Новые аспекты современной словообразовательной лексикографии.....	46
<i>Рогожникова Р.П.</i> О единицах описания в толковых словарях русского языка (в свете высказываний Я.К.Грота).....	48
<i>Романов Д.А.</i> Развитие лингвистических и общепилологических идей Я.К. Грота в ходе работы над академическим изданием сочинений Г.Р. Державина.....	49
<i>Семенов П.А.</i> Полемика шишковистов и карамзинистов в интерпретации Я.К. Грота.....	50
<i>Соколов А.И.</i> Семантика термина и отражение ее динамики в трактатах по химии кон. XVIII — нач. XIX вв.....	51
<i>Судаков Г.В.</i> Структура национального (общенародного) языка в концепции Я. К. Грота.....	52
<i>Харламова М.А.</i> Традиции Я.К. Грота в исследованиях современной диалектной речи.....	54
<i>Церцвадзе М.Г.</i> Стабилизация русского правописания в трудах Я.К. Грота	55
<i>Шестакова Л.Л.</i> Я.К. Грот как родоначальник русской авторской лексикографии.....	57
<i>Щекин А.С.</i> Адаптация иноязычной лексики в русском языке конца XVII — начала XVIII вв. (на материале «Царства Алгерийского	

краткого описания»)	58
<i>Эзериня С.А.</i> Терминология в «Словаре русского языка» под ред. Я.К. Грота	60
<i>Янурик С.</i> Отражение графической вариативности новых английских заимствований в современной русской лексикографии в свете работ Я.К. Грота	62